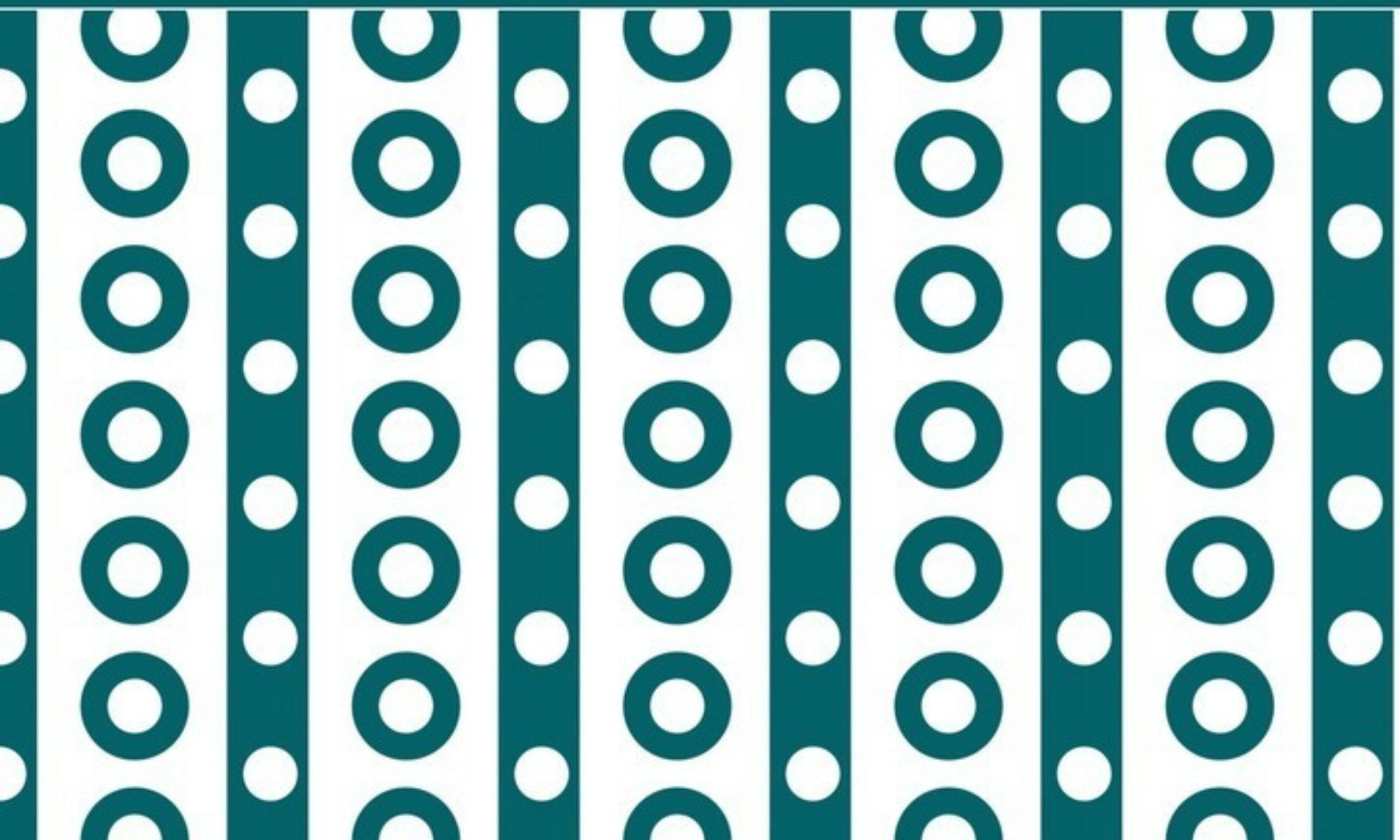

Александр Беляев

Девочка и домовой

Хроники затомиса

Александр Беляев

**Девочка и домовой.
Хроники затомиса**

«Издательские решения»

Беляев А.

Девочка и домовой. Хроники затомиса / А. Беляев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834970-6

Десятилетний мальчик видит сон, в котором он встречает главную героиню этой книги. Маленькая девочка забирается в подвал и встречает там маленького простуженного человечка размером с куклу.

ISBN 978-5-44-834970-6

© Беляев А.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. Встреча	6
ГЛАВА 2. Лица	15
ГЛАВА 3. Трускавец	20
ГЛАВА 4. Королевна и домовой	27
ГЛАВА 5. На даче	37
ПЕРВЫЙ РАССКАЗ ВАРФУШИ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Девочка и домовой

Хроники затомиса

Александр Беляев

© Александр Беляев, 2016

ISBN 978-5-4483-4970-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Каких обид неясный зов,
Почти неразличимый все,
Однажды пересытит кровь,
Смерчи и ливни в ней прессуя.

И если стон незаменим
И тишина необъяснима
И не отчетливей, чем дым,
Раздумий зреющая сила,

Когда бессмысленней, чем звон,
Слов многоярусных плетенье,
Но от признанья нем наклон
Так, словно сдан на попечение

Творцом природы тайный смысл
Не значимости и размыву,
Где тайны знак лукав и пришл,
А пониманье молчаливо —

Не жди ответа на вопрос,
Не изводи себя курсивом —
На оголенность поз и рос
Значенье не переносимо.

Росток, буравящий асфальт,
Иль голос снов и вдохновений —
Неизъяснимее, чем альт
В оркестре скрипок-совпадений.

ГЛАВА 1. Встреча

Мальчик осознал себя, когда под ногами зашуршал песок. Рассекая пелену приятного то ли младенческого, то ли какого-то довоплощенного забытья, к нему возвращалось обычное зрение и чувство реальности. Картина постепенно прояснялась. Вокруг, насколько хватало глаз, простирались невысокие дюны, и совсем недалеко от его ног шелестело море. Не чувствовалось ни холода, ни жары, и вся действительность освещалась странным неярким светом. Казалось, что этот свет не имел источника, он как бы шел из глубины видимого и превращал хаос небытия в гармоничный, неизвестно откуда взявшийся ландшафт. Как он попал сюда, зачем и кто он – мальчик не знал, как будто существования и самосознания не было до сей минуты и мир появился только сейчас.

Мальчику было удивительно хорошо, он смутно почувствовал, что до всего этого он как-то жил и что-то делал, но никогда не испытывал такого удивительного вселенского покоя. Картина постепенно стала детализироваться. Вот сзади за дальними дюнами осозналась длинная гряда корабельных сосен, где-то вдалеке слева к морю припадали причудливые скалы, напоминающие пьющих воду фантастических зверей. Уже стали различимы редкие вскрики невидимых чаек, и лениво шелестящее море оказалось прозрачно-аквамариновым.

Мальчик сел на песок и стал пропускать его струйки между пальцами. Песок был желтым, шелковистым, просачиваясь тугими жгутиками через кулачок, ближе к земле он терял первоначальную отчетливость и редким веселым дождиком возвращался в свое материнское лоно. Только сейчас ясное небо удивительного покоя нарушило легкое облачко первой мысли-недоумения: почему так пустынно, почему не видно ни одного человека, почему рядом нет мамы или бабушки? Так не бывает, не может так быть, что весь этот мир для него одного, ведь своим счастьем необходимо с кем-то поделиться.

Как бы в ответ на эти мысли он вдруг уловил на грани слышимого и воображаемого какую-то мелодию, а может быть, песню, которая раздавалась откуда-то справа вдоль линии морского прибоя.

Впервые с момента осознания себя у него возникло желание куда-то идти и что-то делать, тем более чудесная, едва уловимая мелодия звала, притягивала к себе сладкой, прозрачной печалью то ли несбывшегося, то ли навсегда утраченного. Как будто он слышал эту мелодию раньше, до начала времен, как будто тогда ему было несказанно хорошо, но это было какое-то иное, совсем другое счастье соединения, столь непохожее на нынешнее чувство безмятежного покоя.

Поднявшись с песка, мальчик зашагал вдоль берега туда, откуда раздавалась завораживающая мелодия, то пересекая кружева ажурной пены, то оставляя следы своих маленьких ступней на мокром пустынном берегу. Песня становилась все отчетливее, уже были различимы слова, но все еще не показалась хозяйка голоса.

Может, это море поет или какая-нибудь сирена заманивает – с тревогой подумал мальчик, вспомнив историю про Одиссея и печальную участь моряков, попавших в ловушку коварных морских созданий. Он остановился и внимательно прислушался к словам:

Помнишь из детства
Света пургу,
Мальчик и девочка на берегу?
Личико-облачко,
Ручка узка,
Пальчики лепят дом из песка.
Еле приметен

Памяти след.
Я тебя знаю тысячу лет...

Неожиданно он понял, что это никакая не ловушка, что слова песни о нем и о ней, которую он знает очень давно, но никак не может вспомнить, что где-то рядом находится бесконечно дорогое ему существо, но не мама, не бабушка, а та, которая существовала гораздо раньше и без которой ему было так одиноко в этом мире. Чувствуя, что должно случиться нечто удивительное, мальчик снова побежал на голос и вскоре остановился в нерешительности. На берегу, на полосе сырого песка сидела девочка – воздушное создание в белом коротком платье – и строила странное сооружение. Незнакомка... ну да, прекрасная знакомка.

Мальчик был уверен, что в обозримом прошлом он не встречал ее, и все же... этот облик вызывал целую гамму чувств. Точно такие же чувства недавно вызывал ее голос, несущийся издалека. Вот и сейчас: девочка казалась ему бесконечно далекой, и в то же время мучило чувство пронзительного узнавания чего-то родного и утраченного. Хрупкое сложение, почти прозрачные ручки, светлые невесомые локоны, огромные голубые глаза на слегка вытянутом гладком лице.

Девочка повернула голову и внимательно посмотрела на мальчика. Казалось, ее совсем не удивляет это неожиданное появление и, напротив, она специально здесь расположилась, поджидая своего давнего товарища по играм. Она не поздоровалась, а скорее констатировала факт долгожданного появления:

– Ну, вот ты и пришел, милый, не грусти теперь.

«Вот, – в смятении подумал мальчик, – так всегда: мечтаешь о ком-то или о чем-то, а когда встретишь, не знаешь, как себя вести, что делать, что говорить. Кстати... и с чего это я взял, что всю жизнь мечтал ее встретить? Снова провал в памяти».

– Здравствуй, – сказал мальчик слегка севшим голосом, – что ты здесь делаешь? Как тебя зовут?

– Меня зовут Единственная, – ответила девочка все с тем же серьезным и даже строгим выражением лица. – Сейчас ты вряд ли поймешь мои слова, я пришла из места, которое называется «детство», сюда, на берег моря... оно называется «Вечность», – немного помолчав, добавила она.

– Какая Вечность, какая Единственная, разве это имя, что значит «Из места, которое называется детство?» – уже гораздо более решительно заговорил мальчик. Его распирало от множества вопросов, но большинство из них ускользали, едва коснувшись поверхности сознания. Он смутно понимал: что-то с ним не то, происходит нечто необычное, ведь раньше он жил в каком-то другом мире, где все не так, все гораздо понятнее и гораздо... хуже.

– Я – Единственная, – повторила девочка. – Посмотри вокруг: разве ты видишь здесь кого-то еще, кроме нас с тобой? Никого, кроме нас с тобой, здесь нет, и не будет до скончания века, – немного помолчав, добавила она, – разве что матушка Навна свое отражение пошлет. Возможно, – девочка перешла на шепот. – Она для нас это место и создала, вернее, для того, чтобы мы в этом месте с тобой увиделись. Она вообще очень многое может.

Мальчик еще раз внимательно осмотрелся, совершенно сбитый с толку необычностью аргумента. Действительно, насколько хватало глаз, вокруг не было признаков человеческого присутствия, и все носило печать нерукотворности и необъяснимой изначальности: вечное море, вечные песчаные дюны, вечная пена прибоя, вечное небо... нет, с небом что-то было не так, мальчик почему-то был уверен, что небо должно выглядеть несколько иначе, не отпускало ощущение, что оно чем-то ограничено, хотя что это за ограничение, было совершенно неясно.

– А я тоже – Единственный? – не нашел ничего лучшего спросить мальчик. «Твой единственный», – хотел он добавить, но промолчал.

– Нет, только я Единственная, потому что это твой сон, – отчетливо прозвенел голосок девочки. – Когда ты придешь в мой сон, тогда Единственным будешь ты.

«Ах, это сон!» – пронеслось в голове у мальчика: теперь многое вставало на свои места – и это странное многокилометровое безлюдье, и первозданность ландшафта, и забвение, за исключением отдельных воспоминаний. Как его зовут, откуда он пришел и как сюда попал, он так и не мог вспомнить. Он еще раз взглянул на небо: оно было безоблачным, светящимся, но без малейшего намека на солнце, или луну, хотя время дня стояло явно не предрассветное и тем более не вечернее. И все же что-то опять явно не сходилось, потому что окружающий мир и его восприятие были потрясающе реальными.

– Но послушай, – снова обратился мальчик к незнакомке. – Я хорошо помню, что раньше тоже видел сны: они были совсем другими – смутными, неправдоподобными, в них никогда не ощущалось такой ясности, да и поступал в них я совершенно по-иному, – он пытался найти нужные слова, – как будто был каким-то запрограммированным, без свободы воли, без возможности удивляться или рассуждать, я не мог в них пойти по желанию туда или сюда, рассматривать то или это, они состояли в основном из фантастически искаженных обрывков прежних воспоминаний и встреч, здесь же все совершенно незнакомо и удивительно.

– Это не обычный сон, – улыбнулась девочка. – Люди с непробужденной душой видят такие сны очень редко – иногда 1—2 раза за всю жизнь. Они необходимы для того, чтобы в сознании этих людей забрезжила память прежних жизней, прежних встреч, а иногда для того, чтобы человек вспомнил свою Единственную или Единственного. Потом, когда он станет взрослым, то сможет избежать многих ловушек и если разбудит свою древнюю память, то когда-нибудь – может, в другой жизни – встретит и узнает его или ее. Ты, например, почти никогда не узнавал меня или принимал за меня другую. Кстати, – задумчиво добавила она, – ловушек все равно никогда избежать не удастся – скорее появляются силы для того, чтобы из них выбраться.

– Что значит «ловушки»? – не понял мальчик. – Это что – ямы замаскированные, капканы?

– Я не могу объяснить тебе всего, – с легкой печалью ответила девочка. – Твоя душа еще не пробуждена, многого ты сейчас не поймешь. Сюда тебя отправили для того, чтобы ты начал пробуждаться.

– Что значит «пробуждаться», ты же сама сказала, что мы спим?

– Мы не спим, это я пришла в твое сновидение, которое не есть обычный сон – скорее, это первая твоя встреча с настоящей реальностью, вернее, с одним из его бесчисленных миров. Это раньше – во сне или наяву – ты находился в состоянии постоянной духовной дремоты. Твой разум не очищен, – помолчав, добавила она.

– Ты в начале нашей встречи упоминала какую-то матушку. Кто она? Разве мы с тобой брат и сестра? – недоуменно спросил мальчик. – И потом, почему ты все время задаешься, говоришь, что я того или этого не пойму, как будто ты меня старше и умнее. По крайней мере, по виду этого не скажешь, – неуверенно добавил он.

Он смутно сознавал, что эти слова только жалкая попытка отстоять свое мужское самолюбие. Всю жизнь мальчик считал, что мужчины должны быть умнее и сильнее женщин, и когда он сталкивался с чем-то, что явно опровергало эту его установку, то испытывал чувство уязвленного группового самолюбия, даже если это не касалось его лично. А от лица его собеседницы веяло какой-то невообразимой древностью и тайной.

– Я действительно старше тебя, – задумчиво ответила девочка. – Моя душа пробуждена уже давно, а что касается нашего родства, то нам приходилось бывать с тобой в разных отношениях. В прежних встречах мы нередко оказывались братом и сестрой, матерью и сыном, мужем и женой, наконец, мы просто любили друг друга, часто встречаясь ненадолго и расставаясь на всю жизнь. Но всегда моя душа была старше твоей, нас затем и соединила матушка, чтобы я

повела тебя к пробуждению. Однажды ты начнешь просыпаться и постепенно вспомнишь все, а главное – дорогу к Дому, где появились и откуда пришли все мы. Что касается матушки, – помолчав, добавила девочка, – я не знаю, как объяснить тебе, кто она такая. Я сама до конца не понимаю ее природу, знаю только, что она гораздо старше, мудрее и могущественнее нас с тобой: мы находимся под ее покровительством, она всегда приходит, когда считает нужным и часто совершенно неожиданно. Нужно быть готовым к этой встрече. Помни, что матушка всегда следит за нами. И еще я знаю, что матушка пришла в наш мир из Ирия – это место пока для нас недоступно, разве что она сама захочет показать его тебе или мне.

«Опять незнакомое слово», – пронеслось в голове у мальчика. Он внимательно всматривался в лицо своей странной собеседницы и все больше удивлялся охватывающему его ощущению: словно в этом лице были каким-то образом сосредоточены сотни знакомых и дорогих лиц. Было чувство, что облик девочки постоянно меняется, как постоянно менялся рисунок пены на мокром песке. Словно за несколько минут в ее лице прошла череда образов, но они менялись с такой быстротой, что он не успевал сообразить, на кого именно то или иное лицо похоже. Но это была скорее игра его собственного воображения, так как эффект появлялся только когда он смотрел на нее боковым зрением. Было четкое единственное ощущение, что образ девочки-ровесницы скорее ширма какого-то иного существа, иногда ему казалось, что он говорит с очень взрослой и мудрой женщиной, взявшей его на воспитание.

Как бы отвечая его мыслям (а может, и вправду отвечая им), девочка неожиданно вернулась к вопросу, который он задал первым.

– Вообще-то Единственная – это не имя, а скорее название той сокровенной части души, когда эта душа по-настоящему любит, пытается соединиться со своей половинкой, но никак не может этого сделать из-за своего несовершенства или несовершенства своего возлюбленного. А вообще-то в разных странах и временах ты звал меня по-разному: и Лета, и Маргарита, и Тесса – но это когда-то, очень давно. Было много и других имен. Последнее мое имя, которое тебе, возможно, предстоит узнать, будет Анна.

– Но послушай, – снова заволновался мальчик. – Ты говоришь о каких-то разных встречах, будто мы знакомы с тобой не одно столетие, но я только ребенок, мне еще и десяти нет, – неожиданно вспомнил он свой возраст, – и вообще: в школе нас учили, что Бога нет и человек умирает один раз и навсегда и что никакой загробной жизни и души не существует.

– Да, действительно, – как бы говоря себе самой, грустно вздохнула девочка. – Твоя душа пока еще спит. Если бы она начала пробуждаться, то у тебя не возникло бы подобных вопросов. Ты угодил в самую распространенную ловушку в этой своей жизни – ловушку воспитания и общественного мнения. В противном случае ты бы понял, что находишься в стране слепцов, и они пытаются убедить тебя, что света и зрения в природе не существует – есть только тьма, и еще ты бы увидел других зрячих, которые видят, но притворяются слепыми, чтобы не нарушать общепринятого мнения, а вместе с тем и порядка. Ну, сам подумай: разве не глупость ты сейчас сказал?

«Да, действительно, что-то я не то сморозил», – подумал мальчик. Неожиданно он осознал: несмотря на то, что ему не представили никаких доказательств, само рассуждение на тему есть ли Бог или нет так же абсурдно, как и рассуждение на тему, есть воздух или нет, даже если он и невидим.

– И не обращай внимания на мой возраст, – снова донеслось до слуха мальчика. – Возраст души измеряется совсем другими отрезками времени, и не только ими. Я пришла в твой сон девочкой потому, что этот образ больше всего соответствует твоему представлению о прекрасной загадочной возлюбленной и с девочкой, образ которой я приняла, тебе проще разговаривать. А вообще-то я могу выглядеть по-разному, но не всегда так, как захочу: на мою внешность накладывают печать обстоятельства.

– А я как выгляжу? – смущенно задал вопрос мальчик. – Мне почему-то здесь никак не удастся себя разглядеть.

– Сейчас ты выглядишь примерно так же, как в земной жизни, – ответила девочка. – Но вообще-то твоя душа старше, по земным меркам ей на вид лет двадцать, но когда ты вырастешь, и тебе будет тридцать – сорок лет, то во сне всегда будешь воспринимать себя двадцатилетним.

Девочка замолчала, задумчиво вычерчивая на песке какие-то фигурки: фигурки как фигурки – что отчетливо можно нарисовать на мокром песке? Но, внимательно вглядевшись, мальчик с удивлением заметил, что неотчетливые изображения странно оживают и то ли приближаются, то ли втягивают его зрение в себя. И тут он понял, что видит какие-то сценки из своей прошлой жизни, причем в основном те, которые он особенно ярко запомнил, но никогда не мог понять: что особенно чудесного было в этих сценах, почему одни события – может и достаточно важные – совершенно стерлись из его памяти, а другие – казалось бы, незначимые – остались, как яркие воспоминания. Вот он видит огромные величественные тополя вдоль дороги в каком-то провинциальном городке, которые составляют что-то вроде уходящего вдаль тоннеля, и эта сцена заканчивается его крещением, причем он отчетливо помнит склонившееся над ним лицо священника и руки, опускающие в купель. Кругом много свечей, свет которых тускло поблескивает в окладах икон. Он плачет и отбивается, и до его слуха доносятся песнопения церковного хора. Вот он остановился ранним утром напротив огромного деревянного забора – не видно, где он заканчивается, где начинается, в руке его красный пруттик – и особенно помнится почему-то солнечный луч, тонкой полоской упавший на этот пруттик, и забор перед ним. Вот он видит себя на краю огромного поля, запорошенного тонким слоем снега. То там, то здесь чернеют невысокие голые кустики, сломанные стебли, и через эту безмолвную картину катится колючий шар перекасти-поле. Было также множество других картин, и каждая из них сопровождалась каким-то ярким ощущением необусловленной радости и праздничности.

– Что ты делаешь?! – то ли в удивлении, то ли в страхе вскрикнул мальчик. – Почему твои картинки оживают, почему на них возникают мои самые яркие воспоминания... из далекого детства, – добавил он, словно прожил на свете очень долго.

Девочка улыбнулась:

– Я показываю те моменты жизни, когда твоя душа ненадолго просыпалась и находилась в полной сознательности. Эти образы ты не забудешь никогда и унесешь их с собой в другую жизнь. Гляди сюда. – Она снова что-то быстро зачертила на песке, и мальчик увидел картину, которую он очень часто видел перед мысленным взором, но никогда не мог понять, откуда она взялась, так как ничего подобного в его жизни не было, однако это сцена воспринималась им именно как воспоминание: он сидит на дне мраморного бассейна, причем бассейн выложен цветными плитками, и на него сверху мелким, удивительно приятным дождем падает вода, причем не как в душе – этот дождик льется по всей поверхности огромного бассейна. Пол чуть-чуть скошен, и поток глубиной не более ладони с веселым журчанием, перекатываясь через его ножки, струится вниз. В струях серебрится неяркий, но очень веселый, теплый свет, и мальчика переполняет чувство необыкновенного счастья и покоя.

– Видишь, – голос девочки снова вырвал его из упоительного переживания. – В этом бассейне ты играл очень давно, в древнем Египте, но помнишь его до сих пор. Ну да ладно, это так, безделица, лучше посмотри, что я соорудила из песка, пока тебя ожидала.

Мальчик будто бы впервые обратил внимание на странное сооружение, которое из песка, по крайней мере, было создать совершенно невозможно: перед ним красовалось здание, вернее макет, исполненное в каком-то незнакомом стиле. Строение отдаленно напоминало средневековый замок, а может быть, собор, но что-то в нем было не так. Основание здания действительно вроде бы было выполнено из песка, но затем оно незаметно переходило в какой-то дру-

гой материал непонятной природы. Замок состоял из большого числа башенок разной высоты, между башенками пролегалы лесенки, арки, и не отпускало ощущение, что перспектива и элементарные земные законы тяготения в этом строении были непонятным образом нарушены, как на гравюрах Эшера: то какой-то массивный балкон удерживался тоненькой подпорочкой, которая его явно не могла выдержать, то лесенка, соединяющая балконы, как бы выворачивалась наизнанку, как кольцо Мебиуса, то перекрытия между этажами непонятным образом преобразовывались друг в друга, то колонны, начинавшиеся на лицевой стороне, соединялись с верхним этажом на противоположной. Кроме того, при внимательном рассмотрении здание как бы увеличивало ту деталь, которая заинтересовывала, и стены становились прозрачными, показывая внутреннее устройство замка. В каждой комнате царил непрерывное движение и жизнь. Какие-то фигурки постоянно поднимались и опускались по лестницам, так же нарушая все законы земного притяжения и здравого смысла. То, опускаясь вниз вместе с лестницей, они как бы выворачивались наизнанку и поднимались вверх по противоположной стороне – причем невозможно было определить, где этот выверт произошел. То, удаляясь, вместо того, чтобы уменьшаться, они увеличивались в размерах, то, будучи темными, на светлом фоне, переходя в тень, становились светлыми. Фигурки были облачены в одежды самых разных эпох. Некоторые из них сидели за многочисленными столиками, ели или беседовали, другие ставили какие-то химические опыты, третьи рисовали, четвертые музицировали – и так до бесконечности. От этого постоянного неправдоподобного движения рябило в глазах, порою разум отказывался воспринимать происходящее.

– Что, что это такое? – в ужасе вскричал мальчик. – Что ты со мной делаешь?

– Это замок Вечности, – спокойно ответила девочка. – В нем отражено наше прошлое, настоящее и будущее одновременно, здесь не существует цепи последовательности – посмотри на эти искажения перспективы: каждая комнатка – конкретное событие в одном из времен, когда душа не спала. Здесь из прошлого можно перейти в будущее, минуя настоящее, и затем снова незаметно переместиться в прошлое, причем самое разное, а также увидеть события, которые могли произойти, но почему-то не произошли. Я тебе больше скажу, – она с загадочным видом приблизила к нему лицо. – В этот замок можно войти, ты сможешь наблюдать там или участвовать в событиях прошлых и будущих жизней – правда, не сейчас, пока ты к этому не готов, твое сознание этого не выдержит. Кстати, на берег моря Вечности я вышла из этого замка, войдя в него совершенно в другом месте и в другое время, а потом соорудила его здесь, в настоящем. Эти замки есть везде, где есть человеческие души, только мы не можем по своему желанию увидеть их и попасть туда. Иногда мы проходим мимо, не зная, что нам дается шанс, или у нас возникает желание зайти туда, но мы проходим мимо, поскольку как раз в этот момент спешим по своим, как нам кажется, очень важным делам и не можем их отложить даже ради вечности. К тому же в другой жизни этот замок может выглядеть совершенно по-иному, возможно, он ничем не будет отличаться от окружающих домов. Когда-нибудь, должно быть очень нескоро, ты окажешься готов войти туда.

– От всего этого голова кругом идет. Меня не отпускает чувство, что я вот-вот что-то важное вспомню, но, когда пытаюсь понять, что именно, – это чувство тут же ускользает. – Мальчик сжал голову руками и опустился на песок. Через некоторое время он как будто бы что-то стряхнул с себя, поднялся и весело обратился к девочке:

– Ну что мы в эти дебри мистики забрались? Давай играть или что-то делать, пока сон не закончился. Давай хотя бы искупаемся – я никогда не купался в таком чудесном море... Вечности, – добавил он, немного помолчав. (Мысль о том, что сон может скоро закончиться, почему-то напугала его)

Девочка печально потупила глаза:

– Я не могу плавать, у меня сложные отношения с водой. Это произошло в моей нынешней земной жизни, где я в настоящее время живу девочкой, твоей ровесницей. Однажды роди-

тели взяли меня с собой на Черное море. Море мне очень понравилось, я часто бродила по берегу одна и разговаривала с ним. Для меня с раннего детства вообще не существовало мертвых предметов, все мне виделось живым, с любым деревом, с любым камнем я могла разговаривать, могла видеть настроение и характер предметов, ну и, понятно, море тоже не было исключением, просто мне никогда не приходилось общаться с таким огромным существом. Когда я подходила к самой кромке воды, ко мне подплывали медузы – я очень жалела этих глупых студенистых существ, и им очень нравилось мое общество. Море рассказывало мне интересные истории, показывало всяких странных своих обитателей и вообще очень привязалось ко мне. В день, когда все это произошло, слегка штормило – так, не более одного-двух баллов – и родители, которые никогда за мной особенно не следили, упустили меня из виду. А я словно какой-то зов услышала, а может, какую-нибудь рыбку спасти решила. В общем, когда очередная волна отхлынула, я вышла в ту опасную зону берега, которая накрывается девятым валом – он больше всех остальных, – меня волной и накрыло. По-видимому, море решило по-своему распорядиться моей судьбой и забрать мое тело – а может, рассчитывало и на душу. Возможно, если бы его план удался, я бы сейчас была какой-нибудь наядой или русалкой. Что было в этот момент – не помню, родители позже мне рассказывали, что искали меня в воде очень долго, и все решили, что я утонула. Говорят, что я оказалась на берегу, выброшенная волной минут через пятнадцать после того, как море меня забрало. Позже один мой знакомый домовой сказал, что выручила меня матушка Навна, поскольку моя земная жизнь не должна была тогда оборваться – море проявило самоуправство. С тех пор я воде не доверяю и даже боюсь входить в нее, с того времени мне кажется, что море очень коварное. И вообще, – она загадочно приблизила к мальчику лицо. – Я гораздо больше люблю летать, мне даже было предсказано, что я когда-нибудь смогу полететь и в земной жизни, вместе с громоздким телом, и смогу тебя этому научить.

– Ну ладно, тогда я сам искупаюсь, – расправил плечи мальчик. Он сравнительно недавно научился плавать и очень гордился этим искусством. Он чувствовал, что хоть в чем-то имеет над девочкой преимущество, и хотел продемонстрировать свою удаль. Не раздеваясь (мальчик решил, что если он спит, значит, раздеваться не стоит), он пересек линию прибоя и поплыл размашистыми саженками, украдкой поглядывая на девочку. Море было теплым, ласковым, вода почти не ощущалась, и тело легко удерживалось на поверхности. Затем он перевернулся на спину и также немного поплавал в этом положении, затем решил продемонстрировать еще одно свое умение и, вспенив воду, глубоко нырнул. Первое время он плыл под водой с закрытыми глазами, затем решился их открыть и понял, что ощущает себя под водой совсем не так, как это ощущалось в его земной жизни. Прежде всего, он понял, что совершенно не имеет потребности дышать, что он, конечно, может совершать дыхательные движения – причем без опасности захлебнуться, – но в этом нет никакой необходимости. Он огляделся вокруг: со дна моря поднимались высокие водоросли, некоторые достигали самой поверхности, и среди них плавали какие-то причудливые рыбы и тарасили огромные глазищи. «Сюда бы сейчас подводное ружье, сколько бы рыбы можно было настрелять безо всякого акваланга», – подумал мальчик. Подводное ружье было его давним желанием, его вообще привлекала стихия воды и заветной мечтой было стать ихтиологом и изучать морские глубины. Но чтобы плавать под водой вот так, безо всяких дыхательных аппаратов, – об этом он даже не мог помыслить. Впрочем, он припомнил, что в «той жизни» во сне он часто плавал и нырял и не нуждался в дыхании, но это ничуть его тогда не удивляло и не радовало, и было даже как-то тягостно до бесконечности – плавать в мрачных и смутных глубинах сна, что-то давило и пугало. Мальчик нырнул поглубже. В туманной глубине он разобрал то ли останки каких-то необычных строений, то ли затонувших кораблей. Строения виднелись не прямо под ним, они проступали сквозь толщу воды где-то впереди, ему страстно захотелось подплыть туда, чтобы более внимательно разглядеть, а может, и проникнуть в загадочные темные остоны, но какая-то сила

препятствовала этому, он смутно осознавал, что если решится проникнуть в подводные сооружения сейчас, то никогда уже не вернется не только на поверхность моря, но и в свою земную жизнь, что за внешним видом развалин скрываются какие-то темные водные миры, к встрече с которыми он совершенно не готов. Он совсем уж было собрался вынырнуть на поверхность, но вдруг к нему пришла мысль сделать девочке какой-нибудь подарок, который она из-за своей боязни перед морем не может сделать себе сама. Он легко опустился на дно и без труда отыскал группу раковин, где, как ему показалось, должны были находиться жемчужины. Створки раковин легко поддавались его пальцам, казалось бы, каждая из них шептала: «Прими от меня дар» – и вскоре кулачок мальчика сжимал целую горсть крупных, теплых розоватых перлов. Сломав еще несколько веточек белых кораллов, мальчик как пробка вынырнул на поверхность и снова лихими саженками подплыл к берегу. Подойдя к задумчиво сидящей девочке, он разжал ладонь:

– Смотри, что я тебе принес!

Девочка слегка улыбнулась:

– Спасибо тебе, – сказала она с таким видом, словно он догадался сделать то единственное, что должен был сделать. – Из этих жемчужин я сделаю ожерелье, и оно будет залогом нашей прошлой и будущей любви на земле. Возможно, когда-нибудь этот твой подарок поможет сделать правильный выбор. Даже представить себе не можешь, сколько раз ты проходил мимо или принимал за меня другую. Сколько трудностей и ловушек можно было бы избежать, если бы мы всегда узнавали друг друга. Твоя душа давно бы уже была пробуждена в земной жизни, да и мне сейчас было бы гораздо проще.

– Скажи, – смущенно спросил мальчик, – а зачем вообще эту душу нужно пробуждать? Я ни о чем подобном раньше не слышал, жил, как все, наверное... Что это может мне дать? – слегка замявшись, задал он меркантильный вопрос.

Девочка посмотрела на него с полным недоумением:

– Что значит «что это может мне дать?» Ты что, пуговицами вразнос торгуешь? Неужели ты даже этого не понимаешь? Мне кажется, раньше в других жизнях ты был более понятлив. Неужели все мои уроки и твои кратковременные пробуждения прошли даром? Похоже, какие-то темные силы наложили на тебя печать. Ну что ж, объясню тебе в общих чертах. Пробуждение души – самый главный процесс во Вселенной, им охвачено все сущее – от камня до человека и дальше. Это то, что началось бесконечно давно и в обозримом будущем не закончится, это называют лестницей в небо, и это ведет к Богу...

Казалось, девочка к чему-то внимательно прислушивается.

– Похоже, твое сновидение истекает, – неожиданно закончила она. – Скоро нам придется расстаться, может быть, ненадолго, а может быть... как знать. Хочу на память тоже сделать тебе подарок. – Она раскрыла ладонь, и там оказался небольшой медальон из оникса с замысловатым естественным рисунком, напоминающим пейзаж с дюнами и морем. Он перевернул пластинку и прочитал:

– Навна.

– Ты будешь писать стихи, станешь прекрасным поэтом, но не жди известности, это, по крайней мере в нынешней земной жизни, тебя не ожидает. У этого дара будет несколько другая задача – по возможности уберечь тебя и твоих близких от тьмы. А мой подарок, как и твои жемчужины, поможет нам встретиться в земной жизни. А пока до свидания, милый, я буду очень скучать без тебя.

Девочка обняла мальчика за шею и запечатлела на губах совсем не детский поцелуй, не обращая внимания на его смущение и замешательство.

– Подожди! – в страхе вскричал мальчик. – Я не хочу отсюда никуда уходить, я не хочу с тобой расставаться, не покидай меня.

– Уже пора, – как эхо прозвучали слова девочки. – Меня забирают, я тороплюсь... – Фигура ее неожиданно стала дымчатой, полупрозрачной, затем это человекоподобное облачко втянулось в одну из дверей замка, после чего он осел и превратился в горку мокрого песка.

Мальчик упал на берег и отчаянно зарыдал. Казалось, он никогда еще не испытывал такой огромной потери, никогда им не владело такое отчаяние, хотя еще 2—3 часа назад он и понятия не имел о прекрасной незнакомке.

«Как я дальше буду жить без нее?» – пронеслось у него в голове. И вдруг сверху как будто повеяло благостным ветерком. Неосознанно он запрокинул голову, и ему показалось, что та невидимая преграда, которая ограничивала небо, исчезла, и откуда-то из невыразимой выси раздался неведомый женский голос, полный беспредельной любви и сострадания: «Благословляю вас, дети мои...»

Голос затих. В то же мгновение мальчик почувствовал, что мир вокруг исчезает, а тело заполняется чем-то белым – то ли светом, то ли звоном – и еще через несколько мгновений он уже летел, затянутый в темный тоннель. Последнее, что он слышал, была чарующая печальная песня, слов которой не удалось разобрать.

ГЛАВА 2. Лица

Сознание возвращалось толчками, небытие медленно отпускало его из объятий своих липких черных щупальцев. Еще до того, как осознать, кто он и где находится, мальчик отчетливо услышал слова песни, которая была тем последним, что он оставил за чертой сновидения. Теперь же в реальности песня продолжала звучать и оказалась не столь прекрасной, чарующе-печальной, как на грани между сном и бодрствованием.

«Не улетай, родной, не улетай», – пело хорошо поставленное сопрано по радиотранслятору.

Он рассеянно дослушал песню – ему показалось, что за чертой сновидения он слышал другие слова и другую мелодию, но тем не менее не отпускало ощущение, что эта песня – продолжение той. Только сейчас мальчик начал приходить в себя и самое главное – осознавать, кто он, где находится и что с ним происходит. Он – Андрюша Данилов, ученик четвертого класса ленинградской школы. Сейчас у него летние каникулы, и он вместе с мамой едет на поезде в Трускавец, где папа уже неделю лечит нафтусей камни в почках. Сказать, что он в восторге от этой поездки, пожалуй, нельзя, но это при его домашнем воспитании гораздо лучше, чем торчать две смены в пионерлагере, где будут кормить неизвестно чем. Да и еще: он живет в середине 60х годов, в XX веке в СССР.

Удовлетворившись этим открытием, мальчик приподнялся на локте и осмотрелся: мамы в купе не было, наверное, заняла очередь в туалет. Он рассеянно посмотрел в окно, на убегающий лес, затем снова откинулся на подушку. Андрей вдруг вспомнил: только что он вернулся из странного путешествия. Хотя какое же это путешествие? Он спал и видел сон, только не может вспомнить его. Но тогда почему ему так грустно, почему на душе камень и чувство безмерной потери, словно видел кого-то, кто дороже всего на свете.

Обрывки воспоминаний начали просачиваться в сознание: море, дюны, поющая девочка, замок из песка, их беседа – невозможно припомнить о чем, купание в море и чувство, что он эту девочку видел раньше. И все это пронизано чувством бесконечной любви и печалью расставания.

«Ужасно, – подумал Андрей. – Влюбиться в девочку из сна и знать, что никогда не встретишь ее в жизни. Хуже, чем история про скульптора Пигмалиона, который влюбился в собственное творение из камня. – Андрей недавно прочитал книгу Куна „Легенды и мифы древней Греции“, – он, по крайней мере, мог ее постоянно видеть, а тут... да, кстати, Галатею все же, в конце концов, оживила какая-то богиня – кажется, Афродита».

Его не отпускала мысль, что этот сон надо обязательно вспомнить, что, в случае успеха, закончатся серые будни без сказок и чудес и он станет участником какой-то удивительной истории, которая специально для него придумана кем-то свыше.

«Может быть, снова попытаться заснуть? – тоскливо подумал Андрей. – А вдруг по горячим следам что-нибудь интересное произойдет».

Он поудобнее устроился на подушке и стал прислушиваться к стуку колес.

В купе вошла мама с двумя стаканами чая, но он притворился спящим, ему до смерти не хотелось впускать кого-либо в ауру своего состояния. Проблем своих лирических настроений он в последнее время не любил делить ни с кем.

«Как чудесно покачивается поезд, как успокоительно стучат колеса, – подумалось Андрею. – Если закрыть глаза, то кажется, будто качаешься в колыбели. Наверное, в поезде пробуждается память младенчества».

Несмотря на охватывающую дремоту, сон не приходил. Андрей открыл глаза и начал водить взором по стенке купе. Стенка была покрыта зеленым гофрированным пластиком, которым в те годы были оклеены почти все купе в поездах. Вдавленно-выпуклый узор был хао-

тичен, он ничего не изображал, и переплетения завитков казались совершенно случайными. Мальчик занялся игрой в созерцание узора, так как вставать и общаться с мамой ему не хотелось, а заснуть он не мог.

Поначалу взгляд наблюдал только переплетения и завитки – он даже стал незаметно водить по стенке пальцем, но постепенно состояние его сознания стало меняться. Вдруг совершенно неожиданно в одном месте завитушки сложились в отчетливое изображение какого-то здания, затем неподалеку проступила фигура фантастического зверя, затем стали появляться то незнакомые, то кого-то напоминающие лица, и если только что в каком-то месте он видел пейзаж, то было достаточно моргнуть, чтобы возникло чье-то лицо – то смеющееся, то злобное, то удивленное, в них то отчетливо угадывался европеец, то негр, то китаец. Некоторые изображения тут же пропадали, стоило только от них отвести взор, другие же – как правило, лица – обладали удивительной устойчивостью, проступали то тут, то там и даже при закрытых глазах какое-то время держались перед мысленным взором.

Андрей ничего не слышал о медитации и самогипнозе, он не знал, что, рассматривая замысловатые узоры мандал, можно при длительной тренировке войти в измененное состояние сознания, поэтому даже не заметил, как погрузился в транс. Возможно, ничего подобного еще день назад и не могло произойти, но его необычное сновидение что-то в нем пробудило и раскрыло какие-то новые способности.

Сначала перестал слышаться стук колес, затем пропали койка, одеяло, подушка, вскоре исчезло купе. Андрей почувствовал, что тело теряет вес и словно бы парит в невесомости. Затем все ощущения стали концентрироваться в области неба и языка. Они словно бы стали непомерно огромными, и все его существо сосредоточилось в чувстве гладкого округлого языка. Вскоре это самосознание распространилось далеко за пределы тела. Наверное раньше подобные явления сильно бы его напугали, но сейчас он с интересом наблюдал за этими метаморфозами.

Пропали мысли, время, расстояние. Он не мог отчетливо сказать, как долго продолжается его необычное состояние – мгновение или вечность, он ощущал себя растворенным в космическом пространстве и какой-то частью своего существа осознавал, как некое понятие, невыразимое в словах и образах, смысл бытия и свою тайную природу, неотделимую от природы вселенной.

Неожиданно безначальное парение прервалось. Снова появилась стенка купе, но уже раздвинутая в бесконечность, и все смутные изображения приняли объемность и отчетливую правдоподобность.

Не ощущая своего тела, одним вдохновенным усилием он поверг внутренний барьер и вошел в стену, которая к тому времени стала порогом, переступив который он оказался в странном сумеречном мире. Да, именно сумеречном, иначе его и нельзя было назвать. Над ним простирался купол чернильно-черного неба, усыпанного мелкими точками звезд без единого знакомого созвездия, но, несмотря на отсутствие какого-либо источника света, пейзаж был достаточно отчетлив и контрастен. Место, где он неожиданно очутился, очень походило на земной мир, но с другой стороны, что-то в нем было совершенно иное.

Под ногами, которые он вновь у себя обнаружил, простиралось потрескавшееся покрытие наподобие асфальта, впереди виднелась темная рощица, к которой через пустырь, покрытый чахлой растительностью, протянулась явно протоптанная людьми тропинка. Асфальтовая площадка, на которой он стоял, заканчивалась у начала пустыря, а тропинка явно уводила в глубь рощи.

Он стоял на небольшом плоском возвышении, и от этого возвышения вправо опускалась неровная асфальтовая дорога – уже гораздо шире тропинки, и вела она к кварталу, состоящему из невысоких серых зданий, тускло поблескивающих темными окнами. В довершение описания стоит повторить, что небо было черным, светило отсутствовало, но видимость была

превосходной, несмотря на то, что все окружающее проступало через какой-то непонятным образом прозрачный мрак.

Хотя... он заметил, что отчетливость постоянно нарушалась странными аберрациями зрения и окружающий ландшафт связан с его глазами тонкими белыми нитями. Нити исходили из разных участков местности, их было немыслимое количество, все они сосредотачивались внутри его восприятия, и то одна, то другая группа этих нитей натягивалась, что постоянно нарушало взаиморасположение окружающих предметов. Как будто мир был объемной картиной на плоском полотне, которое беспрестанно колебалось, образовывало складки и то приближало, то удаляло отдельные участки пространства, иногда и вовсе меняя их местами.

Стоять дальше было невыносимо тягостно, какая-то сила гнала его вперед, он выбрал маршрут по направлению к отдаленному кварталу и двинулся через пустырь по асфальтовой дорожке.

Вскоре аберрации зрения стали исчезать, и местность, по которой он шел, прекратила колебаться.

Неожиданно сзади раздался громкий разговор. Андрей почему-то побоялся оглянуться и начал прислушиваться к словам. Это был диалог двух людей, казалось, они разговаривали на русском языке, но смысл беседы ускользал от него, слова резкими ударами колокола били в его сознание и долгое время повторялись гулким эхом.

Вскоре его нагнали два человека, идущие по той же асфальтовой дорожке, они непрерывно болтали и возбужденно жестикулировали.

– Послушайте, – обратился к ним мальчик. – Вы не знаете, куда ведет эта дорога, что за город виднеется?

Прохожие не обратили на его слова ни малейшего внимания, казалось, они вообще не заметили мальчика и, свернув с дороги, скрылись из глаз.

Вскоре он услышал еще один подобный диалог, затем еще и еще. Небольшие группы людей то обгоняли его, то пересекали дорогу. Их было много, они спешили по своим непонятным делам и не обращали на мальчика никакого внимания, словно вообще его не видели.

Поняв бесполезность попыток вступить в разговор, Андрей сосредоточился на дороге, решив, что, когда он дойдет до ближайших кварталов города, что-то разъяснится, и вскоре поравнялся с серым пятиэтажным домом, стоящим на краю пустыря.

Дом выглядел совершенно обычным заурядным строением, напоминающим хрущевские пятиэтажки, окна не светились изнутри, но отражали какой-то внешний свет. Он рассеянно миновал еще несколько подобных домов, возвышавшихся справа и слева от дороги, и, чтобы нарушить однообразие, обогнул один из них и вошел во двор.

Его внимание привлекло двухэтажное сооружение, похожее на котельную, расположившееся к нему торцом. Перед домом валялась в беспорядке строительная арматура, в стороне стоял покореженный слесарный стол с ржавыми тисками и трубами.

Андрей обратил внимание на то, что люди, которых совсем недавно во множестве встречал, теперь куда-то исчезли – не слышно было гулких голосов, вокруг стояла тишина, и на всем лежала печать затхлости и заброшенности, было ощущение, что здесь еще совсем недавно кто-то занимался какой-то никому не нужной работой.

Подчиняясь неясному внутреннему позыву, мальчик открыл дверь и зашел внутрь котельной. Внутри состояние затхлости и заброшенности усилилось еще больше. Он двинулся по длинному узкому коридору, как ни странно хорошо освещенному, хотя никаких лампочек видно не было. То тут, то там валялась полуразвалившаяся арматура и какие-то ржавые приспособления, назначение которых было трудно определить.

В коридор открывалась то одна, то другая комнатка, где стояли верстаки, также заваленные всяким ненужным хламом. Никто из обитателей котельной пока не обнаруживался; он дошел до конца коридора и открыл венчавшую его дверь в надежде, что это выход из противо-

положного конца здания, но не тут-то было: перед ним открылся новый аналогичный тоннель, пребывавший в том же невообразимом запустении и беспорядке, что и предыдущий.

Ситуация очень напоминала детский кошмар, с той лишь разницей, что все ощущения были поразительно отчетливы и реальны. Шаг его ускорился, он уже бежал, задыхаясь от липкого страха, в надежде глядя вглубь очередного коридора, но за грязной покосившейся дверью снова оказывался такой же коридор или большое помещение, напоминавшее бомбоубежище с массивными стенами и низким потолком. Коридоры и комнаты сплетались в невообразимый лабиринт, и было совершенно непонятно, как он может помещаться в таком небольшом на вид здании.

Мальчик уже представлял себе чудовищного Минотавра, поджидающего очередную жертву в одном из коридоров, и липкая рука страха стиснула его горло.

– Господи, помоги мне! – вскричал он то ли вслух, то ли мысленно, забыв о том, что в прошлой своей жизни ни в какого Бога не верил. Тут же мальчик припомнил, что совсем недавно его кто-то предупреждал о ловушках, но кто и где?

Неожиданно он почувствовал дуновение благоуханного ветра, затем кто-то невидимый коснулся его руки и очередная дверь оказалась выходом.

Он выскочил во двор, посреди которого стояла коварная «котельная», не заметив, как исчезла даровавшая ему помощь рука, но перед ним простиралась уже совершенно иная улица иного города. Она чем-то напоминала Невский проспект, но была совершенно безлюдна, чего никогда не бывает на Невском, разве что в часы раннего утра. Один из домов, стоящий несколько в стороне от основной магистрали, отличался от остальных и был выполнен в строгом готическом стиле, больше подходящим для узких улочек Риги или Таллина. Мальчик обратил внимание на большие башенные часы, обе стрелки которых застыли на цифре 12, и почувствовал непреодолимое желание зайти в это здание через высокую аркообразную дверь.

«Сейчас уже ничего страшного произойти не может», – подумал мальчик, ему казалось, что от здания веяло покоем и безопасностью.

Испытывая любопытство и робость, он открыл массивную дверь и оказался на краю огромного зала, напоминавшего трапезную средневековых рыцарей. Уходящий в невообразимую высоту конусообразный купол поддерживали такие же высоченные резные колонны, в центре стоял огромный стол, вокруг которого расположилась группа людей, облаченных в черные монашеские рясы с высокими капюшонами, закрывающими лица незнакомцев.

На столе стояли замысловатые хрустальные графины с рубиново-красным вином и высокие кубки с вензелями. Люди, казалось, о чем-то оживленно беседовали, хотя слов их беседы мальчик не мог разобрать.

Неожиданно один из черных монахов, с массивной золотой цепью и медальоном в форме куба на груди, посмотрел на мальчика, и глаза их встретились.

Бледное аскетическое лицо незнакомца искривила неестественная улыбка, смешанная с ненаигранным удивлением, и он помахал мальчику рукой, как бы приглашая пройти в зал и присоединиться к общему застолью. Мальчика особенно неприятно поразил этот жест, словно бы выполненный человекообразным автоматом.

– Проходите, сударь, – раздался вкрадчивый голос. – Раз уж вам удалось пробраться через Коридор, то проходите, присоединяйтесь к нашему столу.

Мальчик в нерешительности уже сделал несколько шагов по залу, когда в его сознании прозвучал неизвестно откуда взявшийся, но до боли знакомый голос. Он как бы пробивался через толщу земли, был сильно приглушен, но довольно отчетлив: «Не смотри, не слушай, погубят тебя!»

Лицо монаха исказилось сначала недоумением, затем злобой, но в следующее мгновение мальчик почувствовал, что зал куда-то исчезает, а сам он, скрючившись, лежит в купе на полке, и его бьет дикий озноб.

«Это летом-то, в жару! – подумал Андрей, приходя в себя после пережитого. – Что это со мной произошло, почему мне так холодно? Я только что, кажется, терял рассудок».

Он повернулся спиной к стене и увидел за столиком маму, которая дула на чай в стакане.

«Что же получается? – в смятении подумал мальчик. – До того, как я попал в этот город, мама вошла в купе, и чай был горячим – и сейчас от стакана пар идет, – а мне показалось, что с того момента несколько часов прошло.»

Мама улыбнулась Андрею:

– Ты уже проснулся, сынок? Вставай, одевайся и иди мыться, а я пока завтрак готовлю. Что это ты трясешься, как в стужу? – вдруг посерьезнела она. – Тебя что знобит? В купе же жарко!

Она озабоченно потрогала его лоб и вдруг удивленно отдернула руку.

– Да ты холодный, как ледышка, что с тобой случилось?

– Да так, сон странный приснился, – невнятно пробормотал Андрей и, чтобы не вдаваться в объяснения, нацепив шорты и майку, быстро выскочил в коридор, затем вернулся, схватил зубную пасту и полотенце, после чего устремился к туалету. Мама, не успев ничего сказать, проводила его встревоженным недоуменным взглядом.

Поезд двигался к Трускавцу, путешествие продолжалось.

ГЛАВА 3. Трускавец

Позади осталась долгая дорога и необычные события, позади остались встречи на перроне, устройство на новом месте, первые дни привыкания к новому месту и отъезд отца.

Андрей с мамой снимали летний флигель рядом с большим частным домом, к которому примыкал земельный участок с огородом и садом.

Мальчик всегда трудно привыкал к новому месту, к новой кухне, поскольку дома всегда готовила бабушка, и мамина стряпня ему поначалу не нравилась.

С хозяйскими детьми, которые говорили на украинском языке, он особенно не подружился и большую часть времени находился в обществе мамы, читал в одиночестве или бродил по дорожкам недалеко от дома и скучал.

Но постепенно ностальгические настроения стихли, он привык к ежедневным прогулкам по парку и лесу, которые находились рядом, привык к маминой кухне, отсутствию бабушки и ежедневным походам «на воды».

Ему даже стал нравиться этот размеренный и одинокий образ жизни – без товарищей и игр; после странных событий в поезде мальчик стал замкнутым и склонным к одиночеству.

Он часами наблюдал за огромными улитками, повсюду обитавшими в трускавецком парке, ему казалось, что он начинает понимать их медлительную жизнь и такие же медленные мысли и ощущения. Казалось, иногда его охватывало чувство уюта и защиты закрученных в спираль раковин, в которые можно спрятаться от мира и его опасностей.

Как-то по-особенному он начал относиться к деревьям. И в обустроенном парке, и в его более дикой части, похожей на настоящий лес, у него появились свои любимые маршруты и свои любимые деревья.

Каждое дерево было личностью, он подолгу задерживался то около одного, то около другого и беседовал с каждым из них, причем то, что он доверял дубу, он не мог доверить одинокой развесистой сосне и уж ясное дело, с легкомысленной молодой березкой разговор был совершенно иной. Общение с деревьями все больше захватывало его, иногда Андрею казалось, что они гораздо мудрее и лучше людей, что их можно посвятить в те тайны, которые нельзя доверить людям, он уже чувствовал, как корни качают влагу из почвы, как эта влага по тоненьким капиллярам медленно поднимается в ствол и крону.

Ему казалось, что он видит в смутных, бесформенных, независимых от сознания образах состояние и ощущения деревьев: их боли и радости, тревоги и обиды, их шутивное и игривое настроение.

Иногда Андрею казалось, что деревья шепчутся о нем: он знал, когда они довольны, а когда недовольны им. Деревья любили сплетничать, особенно молодые, растущие сплошняком, они могли передавать очередную весть по всему лесу и дружно ее обсуждали.

Мальчик стал смутно догадываться, что в деревьях скрыта хоть и совсем не похожая на человеческую, но самобытная и напряженная жизнь.

Иногда его охватывала тоска, и он до боли пытался вспомнить то, что пережил в поезде, но, к сожалению, ничего, кроме смутных образов, к нему не приходило. Его все время мучило ощущение, что разгадка где-то рядом, что необходима какая-то зацепка и он вспомнит все, что для него сейчас важнее всего на свете.

Помимо этого у Андрея появился интерес к противоположному полу, хотя раньше особых симпатий к девочкам он не испытывал, предпочитая любви чисто мужскую дружбу. Теперь же он украдкой заглядывался на нарядных незнакомок во множестве гуляющих по парку. Естественно, его привлекали не только сверстницы, но и девочки постарше и даже взрослые девушки, но интерес этот носил чисто созерцательный характер, и смелости познакомиться с кем-нибудь из них он в себе не находил.

Часто Андрей вглядывался в лица, ему казалось, что он должен узнать кого-то, кто сможет объяснить его смутные тревоги, но как, собственно, это должно произойти, как подойти и что сказать – он себе не представлял.

Мамин отпуск подходил к концу, оставалось всего несколько дней до отъезда. Каждый вечер он ложился спать, с тайной надеждой снова увидеть девочку, которая называла себя Единственной, но ничего не происходило; сны были смутные, тягостные, он блуждал по каким-то коридорам, из которых не мог выбраться, и просыпался с явным облегчением, что сон закончился. То видел себя на берегу незнакомого моря, где он бродил в надежде кого-то встретить, но никого не встречал, и ничего похожего на чувство безмятежного покоя к нему не приходило.

Однажды прохладным пасмурным утром Андрей вышел в сад. Моросил мелкий дождик, погода, казалось бы, не предвещала никакого улучшения в ближайшие несколько дней, которые ему оставалось пробыть в Трускавце.

Неожиданно к калитке подъехало такси, и из него выбрались молодая красивая женщина и девочка лет десяти. Пока женщина выгружала чемоданы и расплачивалась с таксистом, мальчик украдкой наблюдал за новоприбывшими. Мать не особенно привлекла его внимание, и он остановил свой взгляд на девочке. Нельзя сказать, что в ней было что-то особенное: худенькая, длинноногая, по-видимому, выше его ростом, волосы светлые, слегка выющиеся, не достигающие до плеч. Лицо удлинненное, глаза большие, светлые. Пожалуй, ее можно было назвать красивой – по крайней мере, миловидной. Таких девочек он десятками встречал каждый день, некоторые были гораздо красивее, и все же что-то Андрея взволновало в ее лице и фигуре, она показалась ему странно знакомой, словно они не только встречались, но и хорошо знали друг друга, словно с ней были связаны удивительные события какой-то другой жизни, которую он совсем забыл, но которые было необходимо вспомнить.

Как будто почувствовав на себе пристальный взгляд, девочка повернулась в его сторону, их взоры пересеклись на мгновение, и мальчик готов был поклясться, что на лице ее мелькнуло изумление и растерянность. В ту же минуту она отвернулась с надменным видом и с какой-то преувеличенной старательностью стала помогать маме вытаскивать из машины вещи. Еще через минуту они звонили в двери хозяйского дома, где их, по-видимому, уже поджидали.

Андрей сам удивился тем чувствам, которые на него нахлынули, но, приписав их слишком богатому воображению, быстро ретировался в дом завтракать.

День прошел без всяких неожиданностей. Они с мамой ходили в парк к источнику, затем обедали, гуляли по городу, снова пили нафтусю, и в свое обычное время мальчик оказался в кровати. Немного поворочавшись с боку на бок, Андрей стал впадать в обычное предсонное оцепенение. Неожиданно перед его мысленным взором стали возникать яркие цветные изображения, подобных которым он раньше никогда не видел. Изображения эти не были воспоминаниями и возникали совершенно независимо от его мыслей: он не мог представить, что появится в следующую минуту.

Вначале картинки были статичными, быстро сменяющимися друг друга – их даже не удавалось как следует рассмотреть, но через какое-то время их отчетливость заметно возросла, он ощутил, что как бы входит туда и рассматривает их с самых различных ракурсов.

Это могла быть шоссе-ная дорога, по которой двигались машины, причем через мгновение он уже видел ее словно бы из ветрового стекла. Казалось, дорога, а вместе с ней и лес, ее обрамляющий, катились прямо на него, мимо проносились деревья и встречные автомобили, затем дорога сворачивала, и он мчался по ласковому светлому лесу, по узенькой тропинке, постоянно уворачиваясь от стволов.

Потом изображение наезжало на край обрыва, и он наблюдал лес с высоты, когда деревья кажутся игрушечными, не больше спички. То вдруг он видел вокруг себя горный поток с порогами и бурунами, сдавленный сплошной грядой темных исполинских скал. Чем больше

Андрей погружался в эти картинки, тем они становились объемнее, тем отчетливее воспринимались цвета.

Все это продолжалось неопределенно долго, и вдруг Андрей внутренне вздрогнул и как бы моргнул с закрытыми глазами, отчего то, что он увидел, в следующее мгновение пропало: перед ним развернулся знакомый пейзаж с невысокими дюнами, аквамариновым морем и странным замысловатым сооружением из песка. Около песчаного замка стояла девочка из сновидения, и эта девочка как две капли воды походила на утреннюю незнакомку. Девочка протянула к нему руки и, казалось, что-то хотела сказать.

В то же мгновение изображение исчезло, Андрей словно бы вынырнул из своего видения, и в сознании прозвучал столь знакомый голосок, напоминающий звон валдайского колокольчика: «Ну вот ты и пришел, милый, не грусти теперь... теперь... теперь...»

Все его существо наполнилось радостным ожиданием: «Я обязательно познакомлюсь с этой девочкой!» – решил он твердо и с этой мыслью погрузился в глубокий сон.

Утром его решительности заметно поубавилось: что он скажет ей? Что встречался с ней в своих видениях на берегу моря Вечности? Что она показывала ему странный замок с фигурками людей и рассказывала об их встречах в каких-то других существованиях? Да она наверняка сочтет его сумасшедшим! Может, она сама догадается к нему подойти?

Весь день Андрей бродил вокруг сада, стараясь все время держать под наблюдением дверь хозяйского дома, но девочка появилась только к полудню. Она вышла с мамой из калитки и проследовала к автобусной остановке. Девочка рассеянно оглядывалась по сторонам, но, когда увидела Андрея, демонстративно отвернулась, напустив на себя вид, словно он ей совершенно неинтересен.

Мальчик, смутившись, также сделал равнодушную мину, он понял, что при его воспитании и застенчивом характере познакомиться с таинственной соседкой будет непросто.

В последующие несколько дней ситуация повторилась, Андрей проклинал себя за робость, клялся, что при очередной возможности обязательно заговорит с незнакомкой, но когда такая возможность предоставлялась, вся его решительность моментально улетучивалась, да и девочка вела себя так, словно совершенно его не замечала.

За три дня до отъезда мама с Андреем отправились за покупками в центр города. Побродив по магазинам, они вышли к небольшой православной церкви и уселись отдохнуть на скамейку в уютном маленьком скверике. И тут у Андрея впервые в жизни появилось странное непреодолимое желание перекреститься и войти в храм. Мама ничего не имела против, чтобы войти туда, она была достаточно лояльна, хоть и равнодушна к религии, и желание сына несколько удивило ее.

Подходя к входной двери храма, мальчик боязливо огляделся и так, чтобы этого не заметила мама, быстро и неумело – возможно, даже перепутав стороны, наложил на себя крестное знамение, а затем, миновав группу нищенок, вошел внутрь церкви. Утренняя служба уже закончилась, в помещении было немного людей, он остановился в центре зала и огляделся.

Хотя он точно знал, что никогда здесь раньше не был, да и за всю свою сознательную жизнь в храм никогда не заходил, его неожиданно захватило чувство узнавания и никогда им ранее не испытанное ощущение благодати. Андрею казалось, что он видел и это убранство, и иконостас, и свечи, и лампадки, ему был знаком специфический запах ладана, и все это необъяснимым образом связывалось в его сознании с девочкой, с которой он безнадежно мечтал познакомиться. Еще через мгновение он вспомнил свое крещение в раннем детстве, на которое его втайне от родителей водила бабушка, и что эту сценку, ожившую и яркую, ему изобразила на песке девочка, называвшая себя Единственной.

Чтобы не потерять нить, за которую он рассчитывал раскрутить весь таинственный клубок, Андрей начал рассматривать внутреннее убранство церкви.

Стены ее украшала роспись на тему библейских сюжетов, содержание которых было Андрею совершенно незнакомо, поскольку единственным известным ему персонажем из всего пантеона библейско-евангельских сказаний был Иисус Христос, которого, как он твердо вынес из школьного курса, никогда не существовало.

Андрея привлекла большая темная икона, отличающаяся от остальных обилием действующих лиц и отсутствием дорогого обрамления. Икона, как он потом узнал, называлась Сошествие во ад и изображала Христа внутри золотого эллипса, спускающегося в преисподнюю, к ужасу коричневых чертей, разбегающихся в разные стороны.

Мальчик рассеянным взглядом пробежал по сценке, которая могла бы выглядеть жутковато, если бы не кукольность фигурок, и вдруг его сердце похолодело: что-то знакомое промелькнуло в облике черного демона, прикованного кандалами к скале, еще мгновение, и он осознал, с кем уловил сходство этого лица, вернее оскала. Перед его мысленным взором всплыла рыцарская трапезная и бледное лицо человека, наполовину скрытое капюшоном. В сознании прозвучали слова: «Раз уж вам удалось пробиться через Коридор, то приходите, присоединяйтесь к нашему столу» – ему даже показалось, что изображение демона на иконе подмигнуло и закивало головой.

В следующее мгновение видение пропало, оставив липкое чувство страха, он отшатнулся в сторону, и тут произошло то, что он меньше всего ожидал: он натолкнулся на девочку – свою соседку, познакомиться с которой уже потерял всякую надежду.

Бормоча извинения, Андрей вдруг понял, что судьба дает ему шанс, и если сейчас он не найдет в себе смелости заговорить, шанс этот никогда уже более не будет предоставлен.

После слов «Извини, пожалуйста, я нечаянно» он сделал вид, будто только сейчас узнал девочку и, почувствовав неожиданную решимость, улыбнулся и выпалил:

– Здравствуй, а я тебя знаю, ты приехала три дня назад и живешь рядом с нами. Что ты здесь делаешь? – добавил он, не подумав, что этот вопрос можно было бы задать и ему самому.

– Где здесь? – как показалось Андрею, слегка раздраженно спросила девочка. Казалось, она была занята чем-то важным, от чего ее в самый неподходящий момент отвлекли.

– Ну, я имею в виду здесь, в церкви, – продолжал развивать успех Андрей. – По разговору я слышу ты нездешняя, не с Украины. Отдыхать приехала?

– Да, из Москвы, – слегка улыбнулась девочка, явно меняя гнев на милость.

– А я из Ленинграда. Сначала здесь жил папа, он камни в почках лечил, затем мы с мамой сюда приехали – она вон там, иконы рассматривает, а через три дня мы уезжаем. – «Зачем тогда знакомиться, если все равно скоро уезжаю», неожиданно пришло ему в голову.

– А я здесь до конца августа, отсюда сразу в школу. Мама почему-то решила, что нефтусей можно лечить не только почки, но и кишечник, – уже более оживленно поддержала разговор девочка. Я здесь ем одни арбузы и пью нефтусю, а то у меня плохо пища переваривается. Кстати, а что ты в церкви делаешь? – неожиданно повторила она его провокационный вопрос. (Надо напомнить, что действие разворачивалось в середине шестидесятых годов, когда посещение церкви было поступком, несовместимым с моральным обликом юного пионера.)

Андрей потупил глаза:

– Да так, мы с мамой сюда первый раз зашли. Мама стариной интересуется, – соврал он. – А я – за компанию. Однако здесь интересно, ничего страшного нет, как нас в школе учили.

Девочка посмотрела на него внимательно, впервые за время разговора в ее лице проскользнуло странное выражение, показавшееся ему знакомым.

– А чего же ты так шарахнулся от этой иконы, если ничего страшного?

– Да так, показалось что-то, – смущенно потупил глаза Андрей. «Говорить или не говорить? – вертелось у него в голове. – Неудобно как-то, я же ее совсем не знаю». – Как будто я тут одно лицо на иконе раньше где-то видел, – решил все же прикоснуться он к сокровенному предмету.

Девочка внимательно посмотрела на него. Казалось, она тоже переживает какую-то внутреннюю борьбу.

– Я сюда пришла на встречу к своим старым знакомым, – неожиданно произнесла она. – Я сюда каждый день заглядываю, пока мама по магазинам ходит.

– Ты что, здесь с какими-то старушками встречалась? – попытался съязвить Андрей. – По крайней мере, только что ты здесь стояла одна.

Девочка еще раз оценивающе посмотрела на Андрея.

– Я разговаривала с иконами, это и есть мои знакомые, – негромко произнесла она.

«С иконами так с иконами, я тоже иногда понарошку с деревьями разговариваю», – подумал мальчик, вслух же он сказал, для того чтобы поддержать разговор:

– Ну и что же они тебе интересного сказали?

– Этого нельзя никому передавать, – серьезно ответила девочка. – Они оживают, ты сам можешь с ними поговорить, я могу научить тебя этому.

Совершенно неожиданно девочка взяла Андрея за локоть и подвела к иконе, на которой была изображена скорбная женщина с младенцем, больше напоминавшем маленького взрослого человека. Позднее он узнал, что икона называется «Утоли Мои Печали».

– А теперь, – она зашептала Андрею в самое ухо, – смотри на изображение через пламя свечей. Смотри не мигая, долго, пока не потекут слезы – увидишь, что произойдет, а я постараюсь тебе помочь.

Не понимая, что, собственно, должно произойти, Андрей остановился напротив иконы и начал в нее вглядываться. Поначалу ничего особенного не происходило, он никак не мог подобрать тот фокус зрения, при котором отчетливо будут видны изображение и огни многочисленных свечей, затем понял, что это и невозможно сделать, и сосредоточил взгляд на иконе. Вскоре у него потекли слезы из глаз и захотелось моргнуть, но он мужественно боролся с этим желанием, и через некоторое время в его восприятии что-то стало меняться.

Сперва икона как бы плавала у него перед глазами, затем он услышал тоненький звон. Звон усиливался, он как бы накатывался волнами, каждый раз понижая регистр, и, повышая интенсивность, изображение стало отделяться от иконы, выдвигаться вперед и вскоре заколебалось все сильнее и сильнее. Затем он увидел, что пламя отделяется от свечей и выстраивается вокруг изображения ореолом. Горящий ореол преобразился в золотое свечение эллипсоидной формы, отдельно засветились нимбы над головами матери и младенца, и еще через минуту рисунок как бы вышел из иконы и повис перед ним в воздухе над свечами.

Лица женщины и младенца ожили, правда, светящийся ореол закрывал их по грудь, они плавали в верхней трети эллипсоидного свечения, и одежды слегка просвечивали сквозь дымку сияния.

И тут в сознании мальчика прозвучал нежный глубокий голос, словно бы звучащий отовсюду, но в то же время непонятным образом связанный с ожившим изображением.

– Сохраняй равновесие и внутренний покой, задавай вопросы мысленно, у нас очень мало времени – ты только начал набирать силу.

Неожиданно Андрей понял, что не знает, о чем спрашивать. Казалось, до сего момента в голове вертелись десятки вопросов, но именно теперь они все забылись.

Женщина мягко улыбнулась:

– Можешь не напрягаться, ты еще не способен одновременно контролировать свое тело, свой разум и свойства переходного измерения. Я вкратце скажу тебе то, к чему готово твое сознание.

Бог и Душа существуют, но они совсем не такие, как ты можешь себе представить. Сейчас в твоей жизни наступил очень важный момент: душа начинает пробуждаться, она уже способна воспринимать некоторые, наиболее близкие сквозящие миры, но не может все эти впечатления перенести в дневное сознание. Ты живешь в очень сложную эпоху, силы зла необычно могу-

щественны на этой земле, и пробужденная, но недостаточно подготовленная душа легко может угодить в ловушку черных и даже быть полностью ими поглощена. Однажды ты уже попал в такое место, и тебя спасла случайность – недавняя встреча с Единственной в сновидении и ее защита. Это как раскачивание весов: душа пробуждается, поднимается ввысь – затем падает. Покровители должны провести тебя по лезвию бритвы между светлыми и темными мирами, но право выбора остается всегда за тобой.

На этом нелегком пути у твоей бессмертной души есть спутница, сейчас ее зовут Анна, раньше на земле она имела разные имена. Эта душа старше твоей, в каждом из ваших прежних воплощений особые силы судьбы соединяли вас, но внешние обстоятельства всячески мешают этому. Недавно она стояла рядом с тобой, но впереди ожидает потеря, пока ваш союз невозможен, для этого в тебе слишком мало личной силы. Ваша главная встреча будет экзаменом, и произойдет она очень нескоро, пока же ее душа постарается приходить к тебе во снах и видениях, и там же она даст необходимые уроки.

Твоя память пока не способна вынести из этих встреч многое, дневное сознание сохраняет только смутные воспоминания, гораздо лучше ты будешь помнить встречи с темными, но ни одно событие не покинет глубинных тайников души. Помни, что свобода выбора остается за человеком, и черные будут всячески переманивать тебя на свою сторону... – Голос женщины стал ослабевать.

«Кто ты? – с усилием, как бы пробиваясь сквозь эфирные помехи, мысленно крикнул Андрей. – Что мне делать дальше?»

Она, по-видимому, что-то хотела ответить, но тут нижняя часть иконы Сошествие во ад отделилась от доски, и темная скала с прикованным демоном наплыла на золотой ореол, а далее оба изображения пропали, как бы аннигилировав друг друга: легкая вспышка, и все стало на свои места.

Обычный мир вернулся к Андрею, он почувствовал, что кто-то трясет его за плечо, и до земного слуха мальчика донесся тревожный голос мамы:

– Андрюша, Андрюша, да что с тобой?

– Да вот, икону рассматриваю, – ответил Андрей первое, что пришло ему в голову.

– Что значит «рассматриваю»? Да у тебя глаза совершенно остекленели, я тебя уже минуту трясусь за плечо, а ты не реагируешь!

Андрей понял, что придется как-то объяснять свое поведение.

– Понимаешь, я тут встретил девочку – нашу соседку из хозяйского дома. Мы с ней познакомились, разговорились и стали играть в гляделки – ну, кто дольше сможет смотреть на свечки, перед иконой не моргнув, – лихо сочинял Андрей. – Видимо, я слишком увлекся.

Мама внимательно посмотрела на Андрея:

– Какая девочка? Я давно за тобой наблюдаю: ты не разговаривал ни с какой девочкой – ходил по церкви, рассматривал иконы, затем около этой долго стоял, но я не видела, чтобы ты разговаривал с какой-то девочкой! – В глазах мамы стояла неподдельная тревога. – Пойдем лучше домой, а то здесь как-то тяжело становится.

По-видимому, мама приписала слова Андрея его слишком богатому воображению и какой-то игре, в которую он слишком глубоко вошел, по крайней мере, она больше не спрашивала о происшествии в церкви, только иногда бросала на него тревожные взгляды.

Андрей после слов мамы совершенно растерялся. Он готов был поклясться, что реально видел девочку и беседовал с ней, правда, затем последовала действительно фантастическая сцена с разговаривающей иконой, но ведь в течение последних недель это уже третье необъяснимое событие. И потом, девочка действительно куда-то исчезла – ведь мама всегда внимательно за ним присматривает и вряд ли пропустила бы их встречу – она неоднократно сетовала по поводу его плохой контактности и одиночества.

И опять разгадка повисла в воздухе, тем более сцену с иконой он помнил плохо, и ему стало казаться, будто он испытал что-то вроде помрачнения сознания и видел галлюцинации.

Оставалось только одно: встретиться с девочкой (которую для себя он называл Аней) и напрямик спросить, виделись ли они с ней в церкви. Очевидно, необычайность событий подстегнула его решимость, и он все-таки подошел бы и заговорил с девочкой, однако произошел досадный казус.

Утром следующего дня Андрей зашел в туалет посреди огорода, которым пользовались все отдыхающие. Он удобно расположился на толчке и забыл запереть дверную задвижку. В это самое мгновение дверь открылась и в проеме появилась его странная соседка. На лице ее промелькнула смущенная улыбка, которую Андрей превратил в своем воображении в усмешку, полную презрения и отвращения. Дверь тут же захлопнулась.

Более страшного удара нельзя было себе вообразить: заговорить с девочкой, которая видела его на толчке со спущенными штанами?! Нет, это было выше его сил.

Последующие два дня Андрей всячески избегал встреч с загадочной соседкой и при всяком воспоминании о постигшем его позоре густо краснел.

Только в поезде, расположившись у окна и глядя на уплывающий перрон, он вдруг почувствовал, что судьба даровала ему удивительную возможность приобщиться к чему-то необычайному, но он эту возможность безвозвратно упустил.

ГЛАВА 4. Королевна и домовой

Неосвященные ступени лестницы круто спускались вниз от двери квартиры к двери подъезда.

Девочка остановилась в нерешительности. Каждый раз, преодолевая этот путь, она испытывала необъяснимое чувство страха и ожидания чего-то необычного. Откуда это, ведь уже два года прошло с того дня, когда она первый раз спустилась по этой лестнице одна – и каждый раз все то же переживание. Страх темноты? Страх падения? Страх, что на нижней площадке ее встретит какое-то чудовище из страшных сказок?

Она припомнила свой первый спуск без мамы, папы и брата, когда ей было всего три года и спускаться пришлось, помогая себе руками, каждый раз держась за верхнюю ступеньку и ставя ногу на нижнюю. Она припомнила, что в этот день мать решительно выставила ее за дверь, так как брат уже неделю лежал в кровати с высокой температурой и нуждался в постоянном присмотре. Отец, как всегда, был на работе, и гулять с ней было решительно некому. Мама так и сказала: «Учись, дочка, гулять одна, Юра болен, я не могу от него отойти, а тебе нужен свежий воздух».

Да, тогда было страшно, но ведь сейчас она уже большая, уже привыкла бродить одна не только по маленькому дворику, но и по всему Зарядью, почему же ее так пугает лестница?

Набравшись смелости, девочка решительно преодолела пугающий спуск и выскочила во двор.

Была поздняя осень, холодный пронизывающий ветер гулял между домами и срывал с деревьев последнюю листву. Девочка зябко поежилась и подняла воротник повыше: не лучшее время для прогулок в одиночестве, да и детей нет на улице, но ничего не поделаешь, мама сказала, что ей каждый день надо быть на свежем воздухе. У мамы много дел по дому, кроме того, она водит брата Юру в музыкальную школу и там его дожидается: ей не до нее.

Внимание девочки привлекли старая грязная дверь под аркой, ведущая в подвал ближайшего дома. Обычно она была закрыта, но в последние несколько дней в подвале велись ремонтные работы, рабочие выносили оттуда какой-то старый хлам, ржавые трубы, затем вносили новую арматуру, и дверь сегодня, по-видимому, забыли запереть.

Испытывая непреодолимое любопытство – что же там, в подвале находится, – девочка приоткрыла дверь и посмотрела внутрь. Полоска света упала на ведущую вниз лестницу и тускло осветила небольшое помещение с бетонными стенами и водопроводными трубами у противоположной стены.

Не закрывая дверь, девочка осторожно стала спускаться вниз по ступенькам, как вдруг:

– Апчи! – услышала она из неосвященного угла.

– Ой, кто здесь?

– Это я! Апчи, не бойся! Апчи!

Казалось, девочка должна была испугаться, так как она не видела того, кто чихал, но голосок был тоненький, совсем не страшный, и ей показалось, что чихающий нуждается в ее помощи.

Девочка решительно спустилась вниз и огляделась: никого.

– Где ты? Здесь никого нет!

– Я здесь, в левом углу, на трубе. Апчи, апчи, апчи!

Девочка пошла на голос и скоро остановилась, недоуменно глядя на водосточную трубу: там сидело крошечное существо не больше куклы, в трусиках и маечке, с огромным платком в маленькой ручке.

Ничего подобного девочка в своей жизни не видела, но она почувствовала, что существо одиноко, всеми покинуто и нуждается в ее помощи, поэтому она заговорила с ним так, как заговорила бы на улице с незнакомым сверстником:

– Здравствуй, что ты здесь делаешь, почему ты так легко одет, сейчас же не лето, почему ты в подвале сидишь один, здесь сыро, холодно, здесь крысы бегают, они тебя покусуют, ты что, крыс не боишься? Где твой дом, где твои мама с папой?

– У меня нет мамы с папой, – грустно ответил маленький человечек. – И вообще никого нет, дома нет – да и это не дом, но хоть крыша над головой, а крыс я не боюсь, с крысами хоть поговорить можно. Иногда сюда рабочие за трубами приходят – все веселей, но им я не могу показываться, я ведь домовый, я вообще не могу показываться тому, кто в нас не верит. Раньше у меня был дом, хозяин, которому я служил, за хозяйством присматривал, а сейчас ничего не осталось, холодно, сыро, простудился вот. Апчхи!

Я ведь очень древний, мне тепло нужно, уют, порядок, а сейчас я никому не нужен, никто в нас не верит. – Маленький человечек спрятал лицо в ладошки и заплакал.

Девочке стало безумно жалко этого сопливого, всеми брошенного коротышку, который как бы и не существовал для большого мира.

– А пойдем ко мне, – решительно обратилась она к человечку. – Я молока тебе горячего дам, меня поят им каждый день, я поделюсь.

– А где ты живешь?

– А вот в этом большом доме напротив, с мамой, папой и братом Юрой – там еще много, много дверей, где живут соседи, но туда заходить нельзя. Пойдем со мной, а то ты совсем разболеешься, у меня есть игрушечная кровать для куклы, стол, шкаф для нее в углу под табуреткой. Там тебе будет тепло, и никто не увидит. Это мой угол, правда, там живут еще мячик и мелки, я ими рисую на асфальте. Пойдем, ты болен, надо лечь в кровать, я всегда лежу, когда заболею.

Маленький человек посмотрел на девочку внимательно:

– А почему ты ходишь одна? Сколько тебе лет?

– Мне пять лет, я давно хожу одна. Мама с Юрой, а папа на работе – вот и хожу одна, меня одну отпускают. Сначала страшно было, а потом привыкла. Я тут все закоулки знаю. Я уже везде была, только лестницы боюсь, но с тобой мне не будет страшно! Пойдем со мной, я тебя с моими игрушками познакомлю, картинки покажу.

Маленький человечек задумался, противоречивые чувства беспокоили разум, пугали его. С одной стороны, он уже много десятилетий не вступал в контакт с людьми, они были для существ его мира чем-то вроде странных покровителей, обеспечивающих жильем и уютом, но почему-то их, домовых, совершенно не замечающих. В последнее же время общее поле контакта существ из двух разных миров стало ослабевать и теряться.

Если раньше люди тоже не всегда замечали своих невидимых жильцов, то почти всегда чувствовали их присутствие: говорили специальные слова, совершали необходимые обряды, которые им, домовым, очень нравились, а бывало, и вступали в контакт, правда, – чего греха таить – порою сильно этого пугались, то теперь все это оставалось в далеком прошлом, два мира стали отдаляться друг от друга. Дома стали огромными, в них проживало много совершенно разных людей, и жилища их были мало приспособлены для обитания существ из мира Манику. В своих квартирах люди не держали столь любимых каждым домовым русских печей, сундуков, прялок, скамеек. Утварь была лишена умиротворяющей энергии старины. С точки зрения домовых, современные городские жилища просто медленно умирали – и умирали потому, что домовые не находили там места.

Да, все это так, этот мир уже не для него, но эта девочка! Она была совсем не такой, как другие дети. Она сразу его увидела, услышала, поняла и совсем не испугалась, но отнеслась к его существованию как к чему-то вполне естественному. Маленькому человечку захотелось

подружиться с этим необычным человеческим детенышем, впервые за долгие годы ему захотелось служить человеку, и не просто служить. Похоже, эта девочка способна при небольшой тренировке увидеть живую природу вещей, сквозящие миры и изначальный самосуший свет, необходимо только слегка подтолкнуть ее восприятие, что-то объяснить, от чего-то защитить, чтобы уберечь сознание ребенка от слишком мощного потока информации.

Он вдруг вспомнил то, о чем, казалось, давно забыл: в этот земной мир он явился в образе домового для того, чтобы кого-то найти и что-то рассказать, но кого найти и что рассказать?

И все же: он ведь домовой, его нельзя забрать с собой в другое жилище просто так – нужно выполнить специальный ритуал, сказать заветные слова.

– Я не могу с тобой пойти, я без обряда не могу, ты заветных слов не знаешь, – сказал домовой как-то неуверенно. – Меня нельзя забрать просто так, я буду уязвим.

– Я не знаю никаких слов, – решительно ответила девочка. – Но тебе нельзя здесь оставаться, тебя любой может легко обидеть, и потом, тебе надо лечиться, лежать в тепле, пить горячее молоко, ставить горчичники, иначе, – голос девочки задрожал, – ты совсем замерзнешь и умрешь, скоро ведь зима.

В голосе человечка появились капризные нотки.

– Я не могу без заветных слов, и не спорь со мной, а то я обижусь и стану невидим. – И человечек неожиданно пропал.

Девочка в недоумении огляделась вокруг:

– Ах, ты капризничаешь, вредничать решил! Ну ладно, я сяду на ступеньки и никуда не уйду, пока ты снова не появишься. – Она опустилась на холодную грязную ступеньку лестницы и стала ждать.

Час прошел в полном молчании, девочка поняла, что замерзла, что у нее болит горло и свербит в носу, но продолжала упорно ждать своего нового знакомого. Прошел еще час, девочка начала подкашливать, затем громко чихнула.

– Ты чего? – снова раздался знакомый тревожный голосок из пространства над трубой. – Тоже простудилась? – Через секунду человечек опять стал видим. Он соскочил с трубы, взобрался девочке на плечо и прикоснулся своей маленькой ладошкой к ее лбу. – Да ты горишь вся, тебе надо домой!

– Я без тебя не пойду, – решительно заявила девочка. – Тебе тоже надо в тепло, пить горячее молоко!

– Ну ладно, ладно, пойдем, – согласился человечек. – До дома я тебя провожу.

Девочка поднялась на затекшие ноги, взяла домового за ручку и, пошатываясь, стала подниматься по ступенькам. На счастье, двор был пуст, и новые друзья, никем не замеченные, через минуту уже стояли перед дверью большой коммунальной квартиры, где жила девочка со своей семьей.

Домовой снова заупрямился, ссылаясь на незнание заветных слов и необходимого ритуала, хотел снова бежать в подвал, но девочка решительно заявила, что сядет здесь на ступеньках и будет его ждать, пока совсем не разболеется и не умрет – и домовой согласился посетить ее жилище.

Входная дверь была почему-то не закрыта на замок, оказалась открытой и дверь в комнату, где жила девочка, и друзья беспрепятственно вошли туда.

– Ну, вот мы и дома, – оживленно заговорила девочка. – Здесь ты теперь будешь жить, мы будем с тобой очень-очень дружить и никогда не расставаться. Располагайся. Вот здесь стоит моя кровать, под ней живут мои игрушки, мишка, кукла, мелки, мячик. Раньше у меня было гораздо больше игрушек, но однажды я их вынесла погулять, и их растащили другие дети, у которых игрушек не было. С той поры мама больше мне ничего не покупает.

– А кто еще здесь живет? – Домовой обвел взглядом большую комнату, разделенную посередине длинным высоким шкафом, за которым стояла высокая двуспальная кровать.

– Здесь спят мама с папой, а около окна стол Юры – он здесь уроки делает, а под столом ящик с Юриными игрушками – он не любит, когда я их трогаю, а также не любит, когда я беру его книжки, – почему-то засмущалась девочка. – Он очень умный, много читает, но я иногда, когда никого дома нет, их все-таки беру картинки посмотреть, а также мне вон тот петух нравится, – девочка вытащила из коробки дорогую плюшевую игрушку. – Его Петруша зовут, я с ним играю, когда никто не видит.

Но тут их разговор прервали. В коридоре раздались шаги, и в комнату вошла красивая женщина в сером пальто в сопровождении мальчика лет восьми-девяти с капризным лицом и в очках.

– Анечка, – взволнованно заговорила женщина, – да куда же ты подевалась? Мы с Юрой с ног сбились, тебя разыскивая. Где ты так перемазалась? Ну-ка раздеваться! Теперь мне твое пальто в химчистку сдавать и платье стирать... А почему у тебя щеки красные?

Мама подошла к девочке и потрогала ее лоб.

– Да ты горишь вся, у тебя температура, быстро раздеваться и в постель! Я сейчас на кухню схожу, тебе молоко подогрею.

Мама сняла пальто и ушла на кухню, а Юра подступил к сестре и зашипел:

– Ну, Анька, мы с мамой ее ищем, ищем, волнуемся, а ей хоть бы что, да еще моего Петрушу взяла. Я сколько раз говорил: мои игрушки не трогать!

Брат вырвал из рук девочки петуха, которого она прижимала к груди, аккуратно положил его в ящик под столом и вышел за мамой на кухню.

Тут только девочка поняла, что ни мама, ни брат ничего не сказали о домовом, который в момент их прихода сидел рядом с ней на кровати. Она тревожно огляделась:

– Домушка, где ты?

– Я здесь, – раздался тоненький голосок из-под табуретки. – Не бойся, я никуда не уйду, только твоей маме и брату не могу показываться – они в нас не верят, они могут испугаться и наделать глупостей. Когда они будут входить в комнату, мне придется прятаться, показываться я только тебе могу и только с тобой могу разговаривать.

Девочка успокоилась. Она быстро, как большая, разделась, разобрала постельку и легла в кровать.

В комнату снова вошла мама с чашкой горячего молока в руке.

– Пей, дочка, будет мало, я еще принесу.

Девочка выпила одну чашку, попросила еще и, когда мама снова вышла из комнаты, позвала:

– Домушка!

Человечек снова возник на ее кровати. Он сидел на краю и болтал ножками. Девочка протянула ему кружку:

– На, домушка, пей, лечись!

Домовой взял молоко. Казалось, он не сможет его удержать, так как кружка в руках человека казалась не меньше бочонка, но ничего, она не упала, и человек надолго припал к ее краю, булькая и чмокая.

– Уф, – сказал он, отдышавшись и отдавая кружку девочке. – Я теперь совсем здоров, я сразу стал выздоравливать, когда почувствовал тепло твоего сердца, – мы ведь болеем не от холода, а от одиночества, от человеческого безверия, а теперь все, совсем здоров, теперь ты поправляйся, а чтобы тебе было не скучно, я буду с тобой вместе лечиться. Тебя, кроме горячего молока, чем еще лечат?

Вечером пришел доктор, он долго слушал девочку через фонендоскоп, стучал по ее спинке пальцами и поставил диагноз «пневмония». Дав указания по поводу лечения, он ушел, а девочка осталась лежать в постельке, глядя в потолок. Домовой снова не показывался, так как в комнате оставалась мама, а Юра учил уроки. Вскоре пришел с работы и папа.

Приняв горькое лекарство, девочка лежала на спине и думала, что вот в этой комнате находятся самые близкие ее люди – мама, папа, брат, но с сегодняшнего дня у нее появилась тайна, в которую она не может посвятить никого, даже маму с папой. Она поняла, что между ней и ее родными пролегла черта, что ни мама, ни папа, ни тем более брат уже никогда не смогут быть ей так близки, как раньше, что в ее жизнь вошло что-то новое и очень важное. Она еще не понимала, что разрыв этот гораздо глубже, чем она думает, что маленький человечек – вестник Иного мира, и туда нет доступа никому, кроме нее, что с сегодняшнего дня жизнь ее будет идти по новому, неведомому сценарию – и куда заведет действие этого сценария, знают только высшие силы, о существовании которых она знала когда-то давно, в какой-то другой жизни: ее она часто видела во сне, но никогда не могла вспомнить утром.

Уже засыпая, она мысленно позвала: «Домушка!» – и, к ее удивлению, в сознании тут же послышался отклик: «Я здесь, рядом, спи, королевна». —

«Почему «королевна?»» – удивленно подумала девочка и с этой мыслью заснула.

Прошла неделя. К удивлению родных, девочка быстро поправлялась, не металась в бреду, засыпала со счастливой улыбкой.

Вскоре врач отменил антибиотики и сказал, что острый период прошел, и назначил через день банки и горчичники. Девочка очень боялась этого лечения, но теперь у нее был Варфуша (так звали домового), и она стыдилась показать свой страх. Аня мужественно переносила ежедневные экзекуции, не плакала и не просила маму побыстрее снять эти противные присоски.

В один из вечеров мама сняла с ее спины банки и, по своему обыкновению, ушла на кухню готовить ужин. В то же мгновение на кровати появился Варфуша.

– Больно? – спросил он сочувственно.

– Больно, но это необходимо, чтобы поскорее поправиться, – наставительно ответила Аня. – Ты, кстати, еще не совсем поправился и обещал лечиться вместе со мной, давай я тебе тоже банки поставлю.

– А это точно мне нужно? – с сомнением покосился домовый на банку, оставленную на табурете.

– Конечно, это, на самом деле, совсем не страшно, нужно зажечь внутри банки ватку со спиртом и приставить ее к спине, тогда кожа втянется вовнутрь. Давай я тебя полечу, мама тут все необходимое оставила, а у тебя спинка маленькая, на ней только одна банка поместится. – Девочка воодушевилась, она часто играла со своей куклой в доктора и больного, но ставить банки кукле можно было только понарошку, и вот теперь у нее появилась возможность помочь кому-то по-настоящему.

Маленький человечек еще раз подозрительно посмотрел на банку и вдруг уменьшился до размеров спичечного коробка, а затем ловко юркнул в банку. Несколько минут он сидел там неподвижно, затем раздался громкий кашель.

– Нет, это не лечение, – давился кашлем человечек. – Это мне не подходит, эта противная банка не хочет меня лечить.

Варфуша вылез из банки и через мгновение вырос до своих обычных размеров.

– Это не для меня, – сердито ворчал домовый. – У этой банки плохой характер, она не может лечить, у нее глупая и пустая душа и нет сердечного тепла, я даже не понимаю, как они могут тебе помогать!

– Домушка, а разве у банки может быть душа? Она же неживая!

– Все предметы на земле имеют душу и характер, – наставительным тоном начал свой первый урок домовый. – Но только люди давно уже разучились это чувствовать. Если ты внимательно прислушаешься к тому, что еле слышно шепчет твое сердце, взглядишься в то, что показывает твое внутреннее зрение, то поймешь: все предметы живые, они светятся, сообщают

свои скрытые мысли и чувства, сердятся на тебя или довольны тобой – они очень переживают, что люди разучились это видеть и понимать.

Вещи так же по-разному относятся друг к другу. Одни предметы дружат, а другие терпеть не могут своих соседей. Конечно, их общение не такое живое и изменчивое, как у людей, их чувства слишком медлительны, основательны, сущностность и настроение вещи накапливаются годами и десятилетиями, и чем старше предмет, тем сильнее действует он на человека или другую вещь.

Ты, наверное, помнишь, какое странное и трепетное чувство возникает в старинном доме в окружении древних вещей? Еще больше оживает предмет, если человек вложил душу в его изготовление и если вещь любима хозяином. Но и здесь кроется ловушка – многие люди, сами того не подозревая, попадают в зависимость от любимых предметов, становятся их рабами – и в этом предметы могут проявлять деспотичность, им нравится быть хозяевами, повелевать. Они могут даже внушать людям некоторые мысли, толкать на определенные действия, иногда злодейские. Правильно подобрав симпатичные друг другу предметы, можно сделать маленькую комнатку уютной и радостной, а вещи-злодеи, заполняющие богатые покои, могут превратить жизнь ее обитателей в ад. – Варфуша задумался. – Ты, наверное, когда-нибудь замечала, что в некоторых домах – пусть даже больших, богато, но безвкусно обставленных – через некоторое время начинаешь ощущать тяжесть, появляется чувство надетой на голову кастрюли и если находишься там долго, то можешь просто заболеть. А иногда в бедной уютной комнатке тебя не оставляет чувство праздника: как там легко беседовать и играть! Все это – энергия вещей, которая, вливаясь в душу жилища, принимает или изгоняет нас.

Когда в твоём сознании откроется внутреннее зрение, ты увидишь, что ваша комната заполнена разноцветными звучащими силовыми линиями, которые в каждом месте создают неповторимый рисунок, и с этими линиями взаимодействует бессмертная наша душа.

Варфуша замолчал, никогда еще он не говорил так долго и проникновенно. Ане показалось, что на мгновение он утратил свой прежний облик и превратился в сияющего каким-то нездешним светом сказочного принца. Девочке почудилось, что и она сама не пятилетний ребенок, а намного старше, мудрее и что все эти сложные понятия она давно усвоила и осознала.

Поддавшись какому-то радостному порыву, она приподнялась в кровати на локте, и попросила:

– Учи меня, Варфуша, я хочу видеть души вещей, я хочу видеть живой мир.

– Сегодня уже поздно, – указал на часы домовый. – Спи сейчас, а завтра, когда мама уведет Юру в школу, сразу и начнем.

Утром, получив от мамы обычные наставления не вставать с кровати и вести себя хорошо, девочка дождалась появления домового (иногда он куда-то уходил по своим делам и появлялся не сразу) и приступила к первому заданию.

– Возьми Юрино петуха Петрушу, закрой глаза, сосредоточь внимание на левой ладони и начинай ошупывать пространство вокруг игрушки, – наставлял ее маленький человечек.

Девочка зажмурилась и стала водить рукой вокруг петуха. Сначала она не чувствовала ничего, затем в середине ладони появилось слабое покалывание, которое вскоре сменилось легким, не очень приятным зудом. Подняв руку повыше, Аня ощутила, что неприятный зуд исчез, ощущение стало щекощущим, ласковым, но в этом ощущении скрывался какой-то подвох, правда, девочка не понимала, в чем он заключается.

Аня открыла глаза и удивленно посмотрела на домового:

– Варфуша! Он колется вот здесь, а здесь, – она подняла руку выше, – он щекощется, ласкает.

– А теперь послушай свое сердце, – серьезно сказал домовой. – И постарайся увидеть его своим внутренним зрением, может быть, даже тебе удастся разглядеть его душу открытыми глазами, но знай: это не то, что ты видишь обычно, это его скрытая сущность.

Девочка прислушалась к своим ощущениям и вдруг поняла: Петруша – пустой, самодовольный тип, гордящийся своей раскраской, тщательностью изготовления и стоимостью. Он совершенно не любит девочку, он вообще никого не любит, кроме себя, но ему очень приятно, что им восхищаются, что Аня тайно завидует брату и страстно хочет владеть этим петухом. Поэтому его верхняя оболочка такая ласковая и притягательная, а внутренняя – такая жесткая и колючая.

Еще через несколько минут, глядя на Петрушу рассредоточенным взглядом, как учил ее домовой, Аня вдруг увидела, что от петуха отделяется радужное облачко и превращается в невесомую, словно выполненную из дымчатого многоцветного материала птицу, напоминающую павлина, но когда эта птица повернула к ней голову, девочка вздрогнула: голая шея была увенчана черепушкой стервятника с хищным клювом и злыми глазами.

Грустно слезла Аня с кровати и отнесла Петрушу под стол к остальным Юриным игрушкам, расстроено шепча:

– Прости, Петруша, я больше никогда не буду тебя трогать.

– Молодец, – раздался сзади взволнованный голос домового. – Ты все видела, все поняла, я даже не ожидал от тебя таких быстрых успехов. Не сердись на петуха, он не виноват, его таким сделали, такую энергию передал ему мастер, эта энергия притянула не самую лучшую душу, а твой брат позаботился о том, чтобы окончательно ее испортить, не желая ни с кем делиться своей игрушкой и запрещая тебе ее трогать. А теперь возьми свою старую тряпичную куклу и попробуй послушать ее.

Девочка вытащила из-под кровати несуразную грязную Катюшу с полуоторванными руками и ногами и, немного стеснясь ее несчастного, замученного вида, стала манипулировать над ней так же, как недавно манипулировала с Петрушей.

Кукла сразу отозвалась на ее действия какой-то извиняющейся привязанностью и собачьей преданностью. Девочка почувствовала, сколько любви и нежности в этом маленьком грязном существе, как счастлива и благодарна душа ее за внимание и ласку, как переживает она за свой несуразный вид. Аня устыдилась того, что часто забывает свою бывшую любимицу и порою предпочитает ей более дорогие и эффектные игрушки.

Снова она увидела облачко, отделяющееся от куклы, это облачко приняло вид маленького трогательного существа с детским личиком и ласковыми серьезными глазами. Казалось, они смотрят ей в душу и, извиняясь, просят: «Не бросай меня! Я тебя люблю, я пригожусь тебе».

Со слезами на глазах девочка прижала к своей груди жалкого уродца и зашептала:

– Я люблю тебя, Катенька, я никогда тебя не брошу, прости, прости меня за черствость и невнимание.

– Разобралась? – снова подал голос Варфуша. – Теперь ты знаешь, кто твой настоящий друг, а кто только притворяется. У этой старой куклы чистая кроткая душа, и она тебе по-настоящему предана. Эта кукла стала частицей тебя, она незаметно лечит твою семью, дает жилищу покой и уют. Вы даже не знаете, откуда это у вас, за свою недолгую по человеческим меркам жизнь Катюша стала добрым талисманом, несущим удачу.

Когда эта игрушка окончательно рассыплется в прах и от ее грязного тельца не останется даже гнилой нитки, душа ее еще долго будет следовать за тобой и всячески тебе помогать, а потом, когда почувствует, что сделала все, что могла, она переместится в чудесный мир Эрмстига, напоминающий сказочную страну какого-нибудь самого доброго сказочника – мир для просветления душ самых добрых, самых светлых игрушек. – Варфуша с гордостью смотрел на свою ученицу.

– Скажи, домушка, – спросила девочка, – а я теперь смогу увидеть и почувствовать душу любой игрушки?

– Любой игрушки, любого предмета, что тебя окружают. Ты теперь можешь говорить с деревьями, камнями, реками, морями... Конечно, этот разговор не будет похож на разговор с братом или мамой, но если тебя заинтересует характер или судьба предмета, ты сможешь узнать. – Домовой немного помолчал. – Но остерегайся пользоваться этим даром очень часто или продолжительное время без отдыха. Душа твоя пробудилась, но не окрепла, она пока очень уязвима, а защищаться ты еще не умеешь. Здесь ты под моей защитой, я всегда смогу заблокировать опасность, но когда-то нам придется расстаться, и ты окажешься один на один с враждебными силами. Правда, я надеюсь, за время, которое нам отпущено побыть вместе, научить тебя необходимым защитами. Мир не только прекрасен и добр – он разный, в нем много злых сил, которые только и ждут человеческих ошибок, чтобы расставить ловушку. И все людские слабости: желания, самодовольство, гордыня, сластолюбие, эгоизм, жестокость и многое другое – будут использованы темными для пленения души и закабаления ее, и они сделают все для того, чтобы человек сам принял решение служить им, поскольку нарушить свободу воли не вправе даже они. Поэтому и методы вначале используются самые, казалось бы, безобидные, и только когда человек самостоятельно согласится стать в их ряды, вот тут они и покажут свою истинную личину.

Варфуша замолчал и задумался.

– Ты знаешь, – проговорил он каким-то странным голосом. – Я ведь не ангел, не дэмон, я домовый и по своей природе не должен быть лишен влияния темных сил – я как бы на рубеже между днем и ночью, но с той поры, как мы познакомились, я не могу больше пакостить людям, как раньше. Мне иногда даже начинает казаться, что я не всегда был домовым, но кем – никак не могу припомнить.

– Скажи, Варфуша, – спросила девочка. – В первый день, когда мы познакомились, ты назвал меня «королевой». Ты что, подшутил надо мной? Я же обычная девочка, и имя у меня обычное и родители.

– Когда-то в другой жизни, – ответил Варфуша, серьезно глядя на Аню, – ты была королевой.

– Но ведь мне всего пять лет, и я ничего не помню, никакую другую жизнь.

– Когда-нибудь вспомнишь, ведь ты способная, но, возможно, очень нескоро. Ничего не приходит сразу, душа пробуждается постепенно, и тайники ее открываются один за другим, последовательно. Я ведь тоже никак не могу вспомнить то, что было со мной до того, как я стал домовым, но я точно знаю, что был им не всегда, словно кто-то наложил печать на мою глубинную память. Одно скажу, на тебе метка избранности, иначе твоя душа не смогла бы так быстро пробуждаться, но какая на тебе миссия, могут знать только высшие силы света, моя же задача – раскрыть в тебе то, что начало раскрываться.

Ну, на сегодня хватит, – снова перешел на ворчливый тон домовый. – Тебе пока нельзя использовать новые возможности слишком долго, твоя душа еще не готова, может произойти срыв. Сейчас я тебя до вечера оставляю, мне нужно к своим новым знакомым из нашего дома сходить.

Домовой исчез, как видно, направившись в гости к кому-то из местных домовых, и девочка весь оставшийся день не ощущала его присутствия.

Во второй половине дня вернулись мама с братом, мама сказала, что Аня уже достаточно окрепла и может с завтрашнего дня ходить по квартире и обедать со всеми на кухне.

«Ну вот, – подумала девочка, засыпая. – Я уже почти выздоровела, неужели теперь Варфуша от меня уйдет?»

– Не бойся, королевна, – раздался в голове у девочки знакомый тоненький голосок. – Я от тебя никуда не уйду, пока кто-нибудь насильно не уведет. У нас с тобой еще много работы впереди.

Аня стояла у окна и смотрела на вечерний город. Деревья уже почти лишились своего золотого покрова, и голые кроны, в которых просматривалась каждая веточка, выглядели на фоне темнеющего неба удивительно контрастно. Казалось, они светились каким-то неземным серебряным свечением, придавая городскому ландшафту видимость очень четкой фотографии. Солнце медленно погружалось в полосу перистых облаков, вытянувшихся вдоль горизонта; настало то удивительное короткое время, которое мистики обычно называют трещиной между мирами, когда даже непосвященный человек начинает ощущать присутствие каких-то потусторонних сил.

И тут девочка – сначала смутно, затем все более отчетливо, стала замечать, что пространство вокруг оголенных деревьев затуманилось белыми подвижными облачками, затем эти облачка начали переливаться всеми цветами радуги, возникло ощущение напряженной жизни в пространстве, окружающем древесные кроны, причем, чем больше темнело небо, тем эти светящиеся облачка становились отчетливее. Вскоре по мере того, как Аня все глубже погружалась в приятное полудремотное состояние, воздух прочертился вибрирующими белыми линиями, которые создавали ощущение светового ливня. Затем линии преобразовались в мириады пульсирующих точек – они находились в постоянном замысловатом движении и прозрачным экраном закрывали всю панораму города.

Аня перевела взгляд на небольшой сегмент уже почти скрывшегося за грядой облаков солнца и почувствовала, что весь мир и все ее существо пронизывается яркими то ли солнечными, то ли какими-то еще лучами, и она словно бы растворяется в этой радостной благодати, в ощущении мира и покоя. Ее тело наполнилось приятным звоном тысячи маленьких серебряных колоколец, она ясно чувствовала, что этот звон, это чувство радости и благодати исходят откуда-то из космоса, вернее, не исходят, но заполняют собой весь окружающий мир, что она существовала всегда, что она оживляет и одухотворяет мертвые формы, и эта благодать есть Любовь, дарованная всем живущим.

«Как странно, – подумала девочка. – Еще недавно я болела, мне было плохо, часто я сердилась на маму, папу, брата, часто ощущала себя несчастной и всеми покинутой, но как можно быть покинутой, как можно страдать от того, что у тебя нет красивой одежды, дорогих игрушек, когда мир в действительности просто переполнен любовью и радостью, и это, оказывается, неотъемлемое свойство моей души. Господи мой светлый, Матушка моя нежная! – вдруг неожиданно вырвалось из ее сердца. – Как же хорошо жить в этом мире, когда он переполнен Вашей любовью, как прекрасно осознавать, что Вы есть и что я Вами любима!»

В то же мгновение она увидела, как на фоне закатного неба возникла огромная фигура женщины в белых одеждах и странном головном уборе, напоминающем диадему, только гораздо выше и эта женщина, величественная, светящаяся неземным светом, протянула к ней руки, напоминающие крылья широкими рукавами своих неземных одежд.

Между женщиной и Аней возник мостик-радуга, и девочка полусознанно вытолкнула из себя что-то, что рвалось туда, в этот блистающий мир и эта не желающая оставаться в теле часть ее осознала себя идущей по радуге навстречу протянутым рукам.

Но в этот момент произошел досадный сбой. Увидев внизу далеко под собой проплывающие крыши города, темные кроны деревьев, Аня испугалась высоты – в этот момент вспомнилась и пугающая ее лестница, и крутые ступени, и чувство, что она сейчас споткнется и грохнется лицом об острые каменные углы.

В этот момент все пропало: и женщина, и мостик-радуга, и непередаваемое чувство Любви, льющейся через край, – она снова стояла у окна и глядела на вечерний город.

– Эх, королевна, королевна, – услышала она сзади себя голос домового. – Так здорово у тебя все пошло, в такие небесные потоки окунулась, такой Любовью твое сердце зажглось – комната просто осветилась твоим сиянием. И матушка Навна тебя к себе позвала: только что ты могла получить посвящение из ее уст – такой чести на земле могут удостоиться единицы, быть может, она даже взяла бы тебя в Небесный Кремль, провела через восходящие миры нашего Затомиса. Но для этого ты должна была подойти к ней с совершенно чистой душой, ничем не запятнанной – и нет же, испугалась, вспомнила лестницу, открыла свое сердце для черных... Ну, ничего, не огорчайся, по радуге почти никто не проходит с первого раза, а у тебя еще вся жизнь впереди, ты и так уже видишь и чувствуешь то, что другие люди за всю свою жизнь не увидят и не почувствуют.

Маленький человечек явно бодрился, пытаясь скрыть тревогу.

– Домушка, тебя что-то беспокоит? – спросила чуткая девочка, заметив в его голосе какую-то заминку.

– Да так, может, мне что-то показалось, кажется, черные нашли какую-то зацепку в твоём неопытном сердце. Пока ничего страшного, но они очень упорные, начинают с малого и не отступают никогда, пока не поймут, что душа для них безвозвратно потеряна. Для них чем душа больше раскрыта Богу, тем большая заслуга ее поработить, и тогда в ней не будет места свету. Ну да ладно, пока я с тобой, ты под моим покровительством и матушка Навна тебя в обиду не даст. А теперь ложись спать, королевна, поздно уже.

На следующее утро Аня проснулась в радостном, приподнятом настроении, она хорошо помнила свои вечерние переживания, и ее сердце переполнялось радостью и ощущением праздника: «Она меня заметила, она меня позвала. Ничего, что вчера не удалось, я уже видела дорогу в ее мир и когда-нибудь обязательно туда попаду». Она еще плохо понимала, зачем именно ей необходимо попасть в удивительный мир матушки Навны, но смутно понимала, что это путешествие – самое прекрасное, какое только может испытать человек в своей жизни, и что после него закончатся серые будни и бессмысленный круговорот событий.

ГЛАВА 5. На даче

Пролетело несколько месяцев. В течение этого времени девочка прилежно училась в своей первой школе – школе домового.

Она никогда не ходила в ясли и детский сад, мало общалась с ребятами во дворе, папа приходил домой поздно вечером, а мама гораздо больше внимания уделяла сыну – он считался очень способным, был отличником в школе и одним из самых одаренных детей в музыкалке.

Ставку родители сделали на него, а Аня осталась за бортом и была предоставлена самой себе. До своей удивительной встречи с Варфушей она большую часть дня в одиночестве бродила по Зарядью и мечтала.

Родители считали ее странным, диковатым ребенком. Многие ее высказывания раздражали, вызывали недоумение и страх, так как достаточно часто девочка предсказывала будущие события, могла точно сообщить, кто сегодня придет в гости и во что он будет одет. Однажды, когда у папы на работе пошла кровь горлом, после чего он два месяца пролежал в больнице, у Ани – еще до того, как об этом сообщили по телефону его сослуживцы, случилась истерика, она вырывалась на улицу и кричала, что ее папочка умирает.

Все это тревожило умы просвещенных, материалистически воспитанных советских обывателей конца пятидесятых годов и не находило рационального объяснения.

Кроме того, родители, почти всю сознательную жизнь прожившие в сталинскую эпоху, сохранили в душе непреодолимый страх перед всем, что не вписывалось в систему и каким-то образом относилось к потустороннему миру.

Пару раз девочку даже водили к психиатру, но она, видимо, каким-то чутьем уловила подвох, вела себя на приеме на редкость разумно и не дала врачам никакого повода заподозрить у нее психиатрическое заболевание.

Со временем на Аню просто махнули рукой и перестали пытаться проникнуть в тайны ее внутреннего мира, только категорически запретили говорить о чем-то таком с соседями – слишком еще был силен страх доноса.

Итак, Аня училась в школе – школе познания живого мира, как называл их занятия Варфуша. Не всегда они проходили гладко, иногда способность видеть духовным зрением и чувствовать сердцем на некоторое время покидала девочку, и у нее появлялся страх, что дверца в другой мир навсегда захлопнулась перед ней. Иногда возникали и другие непредвиденные опасности. Например, однажды, когда она училась двигаться по энергетическим линиям (что-то вроде самопроизвольного танца, когда тело отпускается в поток, и двигается идеомоторно), Аня вдруг почувствовала, что ее выгибает дугой и закручивает спиралью. После этого она долго не могла взять под контроль свои ноги и руки, которым все время хотелось совершать какие-то самопроизвольные движения.

В другой раз, при работе с «третьим глазом», у нее возникло чувство сильнейшего распираания в межбровье. Казалось, голова сейчас просто разлетится на куски, и только через пару дней это чувство постепенно ее оставило.

Но в общем домовый был доволен своей ученицей, говорил, что обучение проходит на редкость продуктивно и более быстрое раскрытие возможностей души опасно и грозит одержимостью.

Часто они гуляли вместе по Зарядью, смотрели ауры деревьев, домов, храмов, домовый рассказывал девочке, что значит преобладание того или иного цвета в свечении предметов и людей, учил определять, какие церкви живы и имеют связь с Небесным Кремлем, какие эту связь утратили, а какие даже стали прибежищем темных сил. Он учил ее, как вступать в контакт со стихиями, влиять на погоду, растворять облака.

Особенно девочке одно время нравилось растворять облака и проделывать отверстия в сплошной облачности, но со временем она поняла, что занятие это совершенно бессмысленное и только истощает энергию. Варфуша сказал, что все эффектные фокусы подогревают гордыню и, значит, являются помехами для дальнейшего пробуждения души.

Все это время девочка постоянно боролась с желанием рассказать хоть кому-то о своем необыкновенном знакомстве и таинственном обучении. Ее сознание просто распирали новые знания, которыми постоянно делился с ней окружающий мир, она привыкла к тому, что раньше обо всем новом можно было рассказать маме, папе, на худой конец брату. Теперь же Варфуша категорически запретил ей делать это, сказав, что еще слишком рано, ее родные не готовы для новых знаний и пока в ее окружении нет ни одного человека, с которым подобными знаниями можно поделиться. В лучшем случае ее рассказы сочтут детскими фантазиями, а в худшем – положат в психиатрическую лечебницу.

– Есть и еще одна опасность, – строго сказал маленький человечек. – Некоторыми из сил и способностей, которые ты сейчас осваиваешь, могут овладеть даже люди с непробужденной душой и тяжелым наследием кармы. Такие люди, как правило, становятся черными магами и в погоне за удовлетворением прихотей собственной гордыни, ощущая вседозволенность и считая себя великими, совершают много зла и приносят большие беды окружающим. Они не понимают того, что тем самым только губят свою собственную бессмертную душу, закрывая ей дорогу к Небесным мирам на многие жизни и, попадая под полную власть черных сил, в конечном итоге обрекая себя на страдания. Но не горюй, королевна, – утешал ее Варфуша. – Скоро, может быть через год, через два, когда я передам тебе основные знания, силами матушки Навны ты будешь соединена сначала во снах и видениях, а затем и в обычном мире со своим Единственным. Он, как и ты, одинокая душа, не находящая понимания у близких. Скоро он будет готов к пробуждению, которое началось в прежних жизнях, но сейчас сильно притормозилось из-за серьезных ошибок в прошлом. Когда карма этих ошибок будет преодолена, ты сможешь соединить с ним свою судьбу и обучить всему тому, что ты умеешь сейчас и чему научишься в будущем. Раньше, в других воплощениях вы уже неоднократно встречались, но пока твоя память не готова восстановить эти события.

В конце мая семья стала собираться на дачу. Вот уже несколько лет они снимали половину дачного дома в подмосковном поселке Семхоз, и мама с детьми уезжала на все лето, прихватывая также сентябрь, папа бывал наездами. Раньше Аня всегда ждала тот день, когда начинали собирать вещи, и принимала в этом самое активное участие, но теперь, неожиданно для родителей, она начала капризничать, плакать, утверждать, что не хочет ехать на эту противную дачу, упрашивала оставить ее дома с папой.

Конечно, о том, чтобы отложить поездку, тем более оставить Аню дома с отцом, который большую часть дня пропадал на работе, не могло быть и речи, и мама строго заявила, что очень удивлена ее капризами, что дочь совершенно отбилась от рук и, хочет она того или нет, ей придется ехать со всеми.

Но неожиданно в день поездки, когда все уже ждали заказанную машину, настроение девочки резко переменялось, и она радостно заявила, что с удовольствием поедет в Семхоз. Мама только недовольно передернула плечами: она привыкла к странностям и взбалмошности дочери.

В действительности все объяснялось очень просто. Девочка не хотела расставаться с Варфушей, боялась оставить его одного дома, к тому же домовый заявил, что это теперь его дом и он не уверен, сможет ли поехать вместе с девочкой. Ночью, как выяснилось, Варфуша побывал на совете домовых и был отпущен под честное слово без необходимого обряда на новое место до октября, о чем и сообщил Ане незадолго до прибытия машины.

В машине девочка счастливо улыбалась и глядела в окно, прижимая к себе детскую сумочку с маленьким секретом, о котором знала только она: там сидел ее маленький духовный наставник – Варфуша.

Поездка прошла без приключений, и через полтора часа папа уже выгружал вещи рядом с калиткой их летнего жилища. День пролетел в хлопотах по обустройству на новом месте, в быстрой пробежке по ближайшим заветным местам и обмену впечатлениями с соседями по поводу дороги, погоды и огородных работ.

За этими хлопотами Аня совершенно позабыла о домовом и вспомнила о нем только когда собралась ложиться спать. Она открыла сумочку, там домового не оказалось.

– Домушка, – вскрикнула девочка в испуге, так как решила, что Варфуша потерялся по дороге и вернулся назад в Москву.

На ее крик прибежала мама, но девочка, не желая объяснений, притворилась, будто играет с плюшевым мишкой. Мама решила, что девочка разговаривает сама с собой, и оставила ее в покое.

Поиски домового не дали никаких результатов, и девочка с тяжелым сердцем отправилась в постель.

– Что, испугалась? – вдруг услышала она знакомый голосок. Варфуша сидел на кровати и по своему обыкновению болтал ножками.

– Домушка, – с упреком обратилась к нему девочка. – Где же ты пропадал? Я так испугалась!

– И нечего было волноваться, – ворчливо ответил домовый. – У меня на новом месте много дел было: помочь твоим родителям вещи правильно расставить, чтобы они потом друг с другом не воевали и вас не мучили, с домом поговорить, объяснить ему, что вы хорошие и вас надо с любовью принять, астральных лярв хотя бы на первое время отогнать, со стихиями поболтать – обычная работа домового, это жилище оголено, у него нет хозяина.

– Скажи, Варфуша, – спросила девочка. – А разве не в каждом доме есть свой домовый?

– Далеко не в каждом, – ответил маленький человечек грустно. – Раньше, когда люди были верующими и соблюдали из поколения в поколение древние обряды, нас было в этом мире много и почти каждый дом находился под нашим покровительством. Теперь же все не так, жилища угасают без хозяина – именно поэтому люди стали больше болеть и у них сильно испортился характер: они стали злобными, недоверчивыми и не любят свой дом. Им кажется чем больше комнат, чем богаче они обставлены и чем роскошнее само здание – тем счастливее они проживут свою жизнь. К сожалению, все далеко не так.

Успокоившись, что Варфуша на месте, Аня быстро постелила постель, пожелала родным спокойной ночи, закрыла дверь своей маленькой комнатки и улеглась в кроватку.

– Скажи, Варфуша, – обратилась она к домовому через некоторое время. – Почему люди стали такими, почему они не любят этот мир и друг друга, почему они не видят, что все вокруг живое, почему мама с папой меня не понимают и считают чокнутой?

– Это долгая история, – ответил маленький человечек, задумчиво глядя в окно. – В двух словах не объяснишь. Если хочешь, я могу рассказать тебе легенду, в действительности же все было гораздо запутанней – слишком много веков прошло.

– Расскажи, домушка, я буду внимательно слушать, – попросила Аня, и домовый начал:

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ ВАРФУШИ

– Когда-то, никто даже и не знает, сколько лет прошло с тех пор, на Земле царил золотой век. Что было до этого – я не могу тебе сказать, но в то время люди были красивыми и счастливыми, вся суша тогда составляла единый материк Гондвану, Земля была цветущим садом и не было ни войн, ни горя, ни страданий.

Животные тоже были красивыми и ласковыми. Они не ели друг друга, и кроткий ягненок мог преспокойно дремать рядом с могучим львом. Все живое тогда восстанавливало силы изначальным Космическим светом, и только небольшое количество спелых плодов было им необходимо для поддержания жизни. Это было удивительное время. В Библии память о нем запечатлелась в повествовании об Эдемском саде на Земле.

Мир тогда напоминал прекрасную сказку. Среди усеянных цветами полей и величественных деревьев бродили единороги и грифоны. Добрые драконы рассекали небо своим стремительным полетом, с ветки на ветку перелетали чудесные птицы с женскими лицами – гамаюн и алконост. В горах добывали драгоценные камни трудолюбивые, но немного жадные гномы, в густых лесах и среди крон могучих деревьев раскинуты были загадочные поселения эльфов.

Это был древний род, гораздо более древний, чем само человечество, но и их древность была относительной по сравнению с расой Божественных учителей – Демииургов, живших тогда рядом с Землей и заботившихся о ее процветании. Одного из них ты видела осенью у окна – ее звали Навна...

Молодое сообщество людей не так давно пришло в этот мир, их называли «смертными», но смерть их не была тяжелой, она являлась легким радостным переходом в другие миры, где души их уже в другом состоянии продолжали существовать в полной сознательности и обретали бесценный опыт иных миров.

Божественные учителя заботились о расе людей, они делились с ней своими огромными знаниями, учили их правильному видению мира, правильной жизни в счастливом сообществе, правильному отношению к животным и деревьям. Они обучали людей использованию космических сил и энергий, полетам, мгновенным перемещениям в пространстве и времени и многому другому, о чем невозможно рассказать в моей короткой истории. Люди очень любили своих Божественных учителей, они полностью им доверяли и советовались даже по незначительным проблемам.

И все было прекрасно, и все купались в лучах Всеобщей любви, и казалось, что этому счастью не будет конца.

Но у мира была и другая сторона – и эта темная сторона не находила себе покоя от злобы за процветание и гармонию Земли, а так как пищей им служили излучения ненависти, зависти и боли, а демоническая плоть их, состоящая из искусственной материи Каррох, созданной Люцифером, питалась эфирной кровью, которой не могло их обеспечить постоянное взаимопожирание, то ясно, что темные эти силы влачили жалкое полуголодное существование, и их ненависть ко всему светлому и радостному возрастала из года в год.

И вот однажды – никто не знает, когда именно, – один могучий темный дух, которого называли Гатунгром, нашел лазейку в, казалось бы, несокрушимом световом барьере, в те времена отделявшем мир Светлых от мира темных, и выбрался на поверхность Земли. Он тщательно замаскировал себя с помощью черной магии под Божественного учителя, приняв внешность величественного седобородого старца в белых одеждах, и только с глазами своими он ничего не мог поделать, и старался поначалу не глядеть в лица людей, скрывая адское пламя, горящее в его зрачках под густыми белесыми ресницами. И этот замаскированный демон стал ходить по землям Гондваны от селения к селению и смущал души неопытных и доверчивых людей новым учением, которое он называл «Земной истиной».

Не надо удивляться, что он довольно быстро добился больших успехов на поприще совращения душ, так как люди тогда не ведали зла, были чисты и доверчивы, а Боги не открыли им вовремя всей правды о двойственности мира.

А Гагтунгр, пользуясь своим бессмертием, могущественными силами и сатанинским терпением, шел от жилища к жилищу, от человека к человеку и растлевал души, находя лазейки и слабости в каждом юном и неопытном сердце. И каждому он говорил, что тот достоин гораздо большего, что с ним поступают несправедливо и что он может править другими людьми за свои таланты и заслуги. Он говорил, что боги сознательно утаивают от людей секреты и унижают их своим пресловутым величием, что несправедливо то, что Демиурги и эльфы бессмертны, а век человека недолог, и в этом тоже скрыто коварство Богов. Он научил людей есть мясо животных, и на Земле впервые пролилась кровь. Он научил их воздвигать огромные каменные дома, вырубать леса, строить машины, убивать природу, он развратил их тела искусственным комфортом и роскошью.

В обществе людей появились господа и рабы, человек стремился ко все большим наслаждениям, и душа его начала покрываться коростой, все более теряя связь с развращенной плотью. Он обучил людей черной магии и утверждал, что это искусство гораздо более могущественно и эффективно, чем светлые знания Божественных учителей.

Конечно, деятельность Гагтунгра была бы пресечена в самом начале, если бы Демиурги постоянно контролировали Землю, если бы не змеиная способность великого демона к маскировке и не высочайшее табу, идущее от Единого, запрещающее воздействовать на свободу воли живых существ.

И когда Божественные учителя в очередной раз посетили человеческое сообщество, было уже поздно, семена, посеянные черными силами, дали свои печальные всходы.

Землю было не узнать. Большая часть девственных лесов оказалась вырублена, а среди смердящих пустошей возвышались высокие шпили огромных каменных городов. По чащам рыскали голодные хищники в поисках очередной жертвы, всюду возвышались каменные идолы различным ипостасям сатаны, и если одни утопали в роскоши, то другие влачили нищенское существование, в злобе лелея мечту убить более удачливого соплеменника и присвоить его имущество себе.

Золото превратилось из красивого ковкого металла во всеобщего кумира, и за приемлемую плату можно было воспользоваться услугами колдунов-профессионалов, способных навести порчу на конкурента, приворожить, отворожить, уничтожить.

Конечно, не все человечество последовало учению «Земной истины», но все же учеников Гагтунгра было слишком много, коварство придавало им силы и преимущество в борьбе с благородными, чистыми и доверчивыми последователями Божественных учителей, которые поначалу просто не знали, как противостоять этой злой силе. Кроме того, позже, когда великий демон достаточно окреп в кругу своих учеников, которые добровольно ему подчинились, он перестал прятать глаза под густыми ресницами, и его жуткий взгляд, пронизывающий насквозь, стал превращать доверившихся ему, еще не до конца растленных людей в послушных рабов, готовых беспрекословно выполнять любую его волю. Тогда же ему удалось проделать несколько брешей в защитном барьере, и на Землю стали проникать другие демоны.

Боги постарались исправить допущенную оплошность. У них было достаточно сил, чтобы отправить Гагтунгра обратно в преисподнюю, но сделанного не воротишь, в ход вступил безжалостный закон кармы.

У исповедующих новую веру появились собственные лидеры – те, кто когда-то посмотрел в глаза Гагтунгру. Они призывали к войне с проклятыми бессмертными, и их первый организованный удар испытали на себе эльфы.

После многолетних боев, приведших к гибели целых народов, эльфы покинули Землю. Они владели секретом бессмертия и могли жить неопределенно долго, не зная болезней и ста-

рости, но их тела все-таки были уязвимы, и они могли погибнуть в бою, а души уже не находили воплощения на Земле. К тому же народ их был малочислен, а людей стало много, и силы им придавала ненависть. За эльфами из земного мира ушли чудесные мифические звери и птицы, последними удалились Божественные учителя, так как их природа, сотканная из материи Космической любви, как и природа эльфов, не могла существовать в атмосфере ненависти, лжи, коварства и зависти.

Позже над Землей, в большой степени утратившей защиту Богов, пронеслись невиданные катаклизмы, Гондвана распалась на несколько материков, и наша планета приняла тот облик, который имеет сейчас.

Боги ушли, но никогда не оставляли человечество без помощи и надзора. Они почти перестали появляться среди людей в видимой форме, но всегда незримо присутствовали на Земле и медленно удаляли семена зла, посеянные великим демоном.

Эта работа идет и по сей день, что-то удалось исправить и направить в другое русло, но многое пожинает свои печальные плоды и по сей день. Темные тоже не бездействуют, и реки крови, до сих пор льющиеся по Земле, а также эманации страха, зависти, похоти, жестокости, боли в избытке насыщают их подземные закрома, и недостатка в пище они не испытывают. Силы их с того времени возросли безмерно.

Были попытки изменить ход истории, и кардинально. Одну из них предпринял Иисус Христос, воплотившийся в Сына человеческого. Его миссия удалась не полностью. Другую осуществила матушка Навна, спустившаяся в самую цитадель сил тьмы. Она была пленена и до сих пор томится в подземном мире в своем саду, заблокированная со всех сторон, но ее образы, ее отражения, ее голос, ее посланцы проникают в верхний мир и по сей день.

Варфуша закончил свой рассказ и посмотрел на Аню. Девочка спала в своей кровати, и на лице ребенка светилась счастливая улыбка.

Семья Ромашовых поселилась в большом бревенчатом доме на краю дачного поселка. Место было очень живописное, зеленое, но, к сожалению, густонаселенное, поэтому в летнее время песчаный берег лесного озера оказывался просто усеян отдыхающими, но, если хотелось одиночества, его всегда можно было найти в отдаленных уголках огромного лесного массива, простирающегося на многие десятки километров.

Дом разделялся на две половины с двумя входами, одно крыло занимали хозяева – пожилые супруги-пенсионеры, к которым иногда навещался взрослый сын с семьей, второе на лето сдавалось.

Михаил Иванович – Анин папа – снимал дачу уже четыре года, и девочка очень любила это место. Хозяева были тихие, немногословные, большую часть времени они копались в огороде и не навязывались в компанию к своим квартиросъемщикам. В соседние дома приезжали Анины сверстники, и первое время Аня дружила с ними, но в прошлом году между нею и детьми возникла трещина – то ли потому, что девочка избегала шумных игр в войну, то ли ребята чувствовали Анину необычность, и их смущали ее фантазии, которые девочка объявляла правдой: ее разговоры с животными и деревьями, ее таинственные угадывания мыслей и событий. Не то что они изгнали Аню из своего общества, но относились к ней настороженно.

Девочка несколько раз пыталась присоединиться к друзьям брата, но Юру ее общество раздражало, и в конце концов он заявил, что им некогда возиться с малявками и чтобы она за ними больше не ходила. Девочка снова оказалась одна, но теперь одиночество уже больше не тяготило ее, ведь с нею был друг и учитель – домовой Варфуша.

Утро следующего дня выдалось солнечным и безветренным. После завтрака родители ушли проводить своих друзей, которые жили неподалеку, и дети остались предоставлены сами себе. Юра постарался побыстрее отделаться от сестры, убежав со своими приятелями на озеро, но в этот раз девочка не попыталась увязаться с компанией брата и сказала ему, что будет

гулять недалеко от дома. На самом деле она только и ждала этого момента, так как Варфуша пообещал представить ее каким-то таинственным знакомым в лесу.

Покрутившись для вида около дома и убедившись, что никто из соседей за ней не наблюдает, девочка бодрым шагом направилась в сторону леса в сопровождении своего невидимого спутника (читатель, наверное, уже понял, что для посторонних глаз Варфуша оставался невидим). Они вышли на окраину поселка и пересекли подвесной металлический мостик через овраг.

Мостик приветствовал их веселым скрипом, и, пока друзья пересекали его ржавый хребет, он многое успел сообщить им. И о том, как дела в поселке, и какая погода ожидается в ближайшие дни – об этом ему сообщили ревматические шарниры, а также рассказал несколько забавных случаев из жизни местных собак, кошек и алкоголиков.

Скрипучим шепотом коммунального сплетника мостик поведал о том, что алкаш дядя Толя не далее как вчера, переходя через него, не удержал равновесие и низринул в овраг, где и пролежал до вечера среди пустых бутылок и ржавых банок. Что два кота – Маркиз и Васька, контролирующие территорию, на которой разместился их покорный слуга, здорово подрали чужака с противоположного крыла поселка, привлеченного призывными песнями загулявшей Мурки. Что супруга местного тенора-соловья благополучно разрешилась от бремени тремя яйчками, но дети, по-видимому, не будут походить на маэстро, поскольку к ветреной соловьишке заглядывал залетный гастролер из дальнего леса, в то время как супруг, позабыв обо всем, выводил сложнейшие рулады свадебного вокализа.

Прощавшись со своим старым знакомым, который неожиданно обрел дар речи, девочка в сопровождении домового углубилась в лес. Она обошла стороной озеро, чтобы не попасться на глаза брату, и вскоре очутилась в дикой части смешанного леса, куда дачники заходили, как правило, в грибную пору и в конце мая появлялись здесь редко.

Девочка шла среди майского разноцветья и все больше погружалась в сложную гамму ощущений. Ей начало казаться, что шаги замедлились и она не чувствует земли под ногами, словно воздух сгустился и стал больше напоминать воду, через которую она продвигается по дну волшебного водоема.

То тут, то там вспыхивали маленькие радуги, ей казалось, что цветы, попадающиеся навстречу, кланяются и приподнимают над листочками свои чудные шапочки. Птичий свист преобразился и стал напоминать множественный разноголосый шепот, смех, обрывки разговоров, которые можно услышать среди многоликой толпы. Отдельных слов не различишь, они сливаются в неясное бормотание и наполняют душу радостью светлого ожидания главного действующего лица, ради которого толпа здесь и собралась.

Когда друзья вышли на край луга, обрамленного с дальней стороны строгой грядой соснового бора, характер разноголосицы изменился. Девочка ощутила себя как бы в огромном концертном зале, где рядом со сценой невидимые музыканты настраивали свои волшебные инструменты и их виртуозные пассажи объединялись в невообразимую какофонию, не упорядоченную единой музыкальной идеей. Казалось, еще минута, звуковой хаос стихнет и перед оркестром появится дирижер, взмахнет своей дирижерской палочкой, и грянут божественные звуки летней увертюры. И вот уже сосны превращаются в трубы величественного органа, светлая березовая роща звенит струнами эоловой арфы, а на сцену лесной поляны выходят долгожданные актеры.

Друзья пересекли луг, вышли на опушку соснового бора, и тут впервые за время их необычной прогулки Варфуша подал голос:

– А теперь смотри внимательно, сейчас ты увидишь актеров, которые из года в год разыгрывают лесную мистерию.

Девочка уселась под старой сосной и стала ожидать дальнейших событий. Она уже давно перестала удивляться, и все происходящее воспринималось ею как нечто само собой разумеющееся.

Первыми действующими лицами оказались маленькие человечки – гораздо меньше Варфуши, в серых кафтанчиках до земли и зеленых колпачках. Их было множество, они вылезали из-под земли и находились в постоянном броуновском движении, но при более пристальном взгляде занятия их оказались достаточно осмысленными, хоть и необычными. Часть из них соорудила маленькие колыбельки и захлопотала около этих колыбелек, как хлопочут счастливые мамы возле новорожденных.

Аня пригляделась и увидела, что в каждой миниатюрной детской кроватке находится зерно, или желудь, или корешок, но у всех этих странных младенцев имеются ручки, ножки, личико. Одни зерна-детишки пищали, и заботливые няньки кормили их из миниатюрных бутылочек, другие явно не хотели заснуть, и их опекуны усердно раскачивали люльки и пищали удивительно мелодичные колыбельные. Кто-то из миниатюрных человечков переодевал детишек, кто-то стирал пеленки, кто-то важно прогуливал своих питомцев в зеленых колясочках. Вскоре человечки оставили свои кропотливые занятия, собрались вокруг перед девочкой и запели, смешно пританцовывая:

Мы пестуем почву, но молимся солнцу,
Мы вьем колыбели лесному народу,
Мы – капельки света, проникшие в землю,
Мы – нежность, знакомая каждому стеблю.

Мы слуха касаемся звуками вины,
Мы те, кто воздушней, чем пух тополиный,
Мы – ласка, мы – нега, мы – хор прорастанья,
Уколы сучков и былинок касанья.

Щекочим ступни детворе босоногой,
Бегущей сквозь лето лесною дорогой,
Вливаем бальзам в корешок валерьяны
И лечим пожарища черные раны.

Извечно тоскуя по саду Готимны,
Слагаем светилу священные гимны,
Чтоб пахарь, свои обходящий угодя,
Однажды почувствовал ритм плодородья.

И пусть мы глядимся нелепо, забавно,
Ты благослови нас, Пресветлая Навна.

– Поздоровайся с ними и подари им тепло своего сердца, королевна, – раздался сзади голос Варфуши. – Это маленькие души стихияли Дараины, их назначение – заботиться о семенах, корешках и клубнях, из которых произрастают растения, и выкормить лесных детенышей.

Аня низко поклонилась смешным лилипутам и произнесла слова приветствия.

Человечки сняли свои зеленые колпачки, уморительно помахали ими и в следующий момент исчезли под землей.

– Сейчас ты увидишь других действующих лиц, – взволнованно сказал домовой, глядя в глубь леса.

Девочке показалось, что среди зарослей лесного кустарника, среди обширного черничника и соседствующего с ним брусничника возникло какое-то мельтешение, показались смешные, довольные мордочки, а затем из невысокой растительности первого лесного этажа появились человечки, несколько отличающиеся от предыдущих. Они уже были заметно крупнее своих предшественников и выглядели более разнообразно. Их разноцветные одежды напоминали пряди слипшейся паутины, выкрашенные в самые немыслимые цвета. Кто-то носил головной убор в виде венчика цветка, кто-то нахлобучил на голову огромную ягоду, кто-то щеголял в шляпке гриба, причем и цветы, и шляпки грибов были самых разнообразных видов, и при ближайшем рассмотрении каждое существо напоминало карикатурное подобие какого-то растения или гриба.

Далее вся разношерстная компания занялась обыденной работой наподобие своих предшественников, но характер деятельности несколько изменился. Сцена эта напоминала действие в какой-то немыслимой актерской уборной, где над подопечными кустиками, цветами, мхами, вылезающими из-под земли корнями и прочей малорослой лесной живностью производили самые разнообразные манипуляции. Одному пышному кусту серьезный парикмахер возводил замысловатую прическу, другому портной с булавками во рту примерял, подгибал, подравнивал зеленый фрак.

Среди кустиков черники носился кто-то с лиловой ягодой на голове и рассыпал по всему черничнику прозрачные зеленоватые шарики, которые, словно крошечные мыльные пузырьки, опускались среди маленьких листочков.

Они накладывали грим на лепестки цветов, в изобилии покрывающих ближайшую поляну, занимались уборкой земли, совершали какие-то неведомые ритуалы над муравейниками. Рыхлили почву маленькими тяпками и грабелями.

Затем, по-видимому продемонстрировав всю специфику своей кропотливой работы, они, подобно крошечным духам Дараины, выстроились вокруг перед девочкой и запели:

Мы все лето вышивали
Лесу мягкую подстилку,
Колдовали над брусничкой,
Шляпки ладили грибам,
Растирали колкий иней
В животворную мастику,
Чтобы вверить чад любимых
Зимним выюгам и снегам.

Мы малы и неприметны,
Мы сродни замшелым гномам,
И зовется Мурохаммой
Наша славная страна.
Пусть мы – сумрака создання,
Мы фундамент лесоздания,
Значит, солнечные кроны
Знают наши имена.

Средь сухих и палых веток
Мы своих ласкаем деток,
Муравьиные сознанья
В общем ритме едим.
И покуда мы при деле,

Будут гуще лапы ели,
Будет ягод изобилье,
Август выдастся грибным.

Где-то бродит на природе
Леший – наш корявый родич,
Стайка эльфов златокудрых
Проплывает над землей.
Хоть народец мы неяркий —
Всем им делаем подарки,
Ибо все лесные братья
Общей связаны судьбой.

И тебе служить исправно
Обещаем дева Навна,
Чтобы плыть в святом потоке
Всеобъемлющей Любви.
И когда среди цветенья
Ощутишь прикосновенья
Наших маленьких ладошек,
Приглядишься и позови.

Как бы заключая слова песенки, Варфуша объяснил, что эти существа – души стихии Мурохаммы, которые заботятся о первом лесном этаже – этаже кустарников, мхов, грибов, ягод, трав и цветов.

Девочка поблагодарила своих новых знакомых, а они комично раскланялись и исчезли там, откуда появились.

– А сейчас, – сказал Варфуша, – ты познакомишься с нашими великанами. Не бойся, они совсем не страшные, смотри на деревья.

В ожидании новых чудес девочка стала разглядывать окружающие стволы. Они появились не сразу. Сначала Ане показалось, что в какое-то мгновение то одно, то другое дерево оживает, но вскоре выяснилось, что все осталось на своих местах, а вокруг каждого ствола и кроны сформировались туманные столбы, которые через некоторое время приобрели человеческий облик. Они отделились от деревьев, и вот уже перед девочкой выстроилась группа существ огромного роста, достигающих верхушек.

Сложение этих существ оказалось совершенно непропорциональным, они были худыми и непомерно длинными, но это нисколько не умаляло величия и благородства их облика. Лица их светились добротой и вдохновением, все имели длинные кудрявые волосы, отливающие всевозможными оттенками зеленого цвета, длинные руки, достоящие до колен, и длинные пальцы музыкантов, находящиеся в беспрестанном движении. Покрой одежд в основном походил на камзолы восемнадцатого века.

Руки музыкантов взметнулись вверх, и каждое дерево, рядом с которым стоял огромный человек, обратилось в музыкальный инструмент, в зависимости от размера и вида.

Березы представляли смычковую часть оркестра – от скрипки до контрабаса, мелкие молодые деревца превратились в рожки, свирели, жалейки. Огромный раскидистый дуб, стоящий на краю опушки, стал массивной басовой трубой-тубой, ивы – арфами, а группа сосен – величественным органом.

Грянула музыка, и в воздухе поплыла чарующая мелодия. Свист птиц, гудение шмелей на соседнем лугу, шум листьев на ветру и скрипы стволов слились в удивительную симфонию леса, которая завораживала, растворяла, уносила. Затем зазвучали слова песни:

В нежном закатном листвы трепетанье
Слышен намек на причастие к тайне —
Это в пространстве зеленых тоннелей
Ладится музыка наших свирелей.

Если же буйны сыны Арашамфа —
В действо вступает огромная арфа,
Чтоб на опушке соснового стана
Кануть в торжественной мессе органа.

Так под тенистою сенью навеса
Мы исполняем симфонию леса,
Чтобы внимавшие звукам узнали
В ней очарованный лик стихии.

Чтоб в хороводы, напевы и пляски
Влилось дыханье чарующей сказки,
Чтобы славянскую лихость и буйство
Тронули ноты святого искусства.

Ныне ж концертная наша программа —
Песнь о строительстве горнего храма,
Гимн Яросвету — тебе и подавно!
Благослови ж нас, пресветлая Навна.

Чудесная музыка стихла, возвратилась в обычные лесные звуки, шорохи, свисты, слившиеся в аплодисменты. Музыканты величественно раскланялись, выслушали слова благодарности и торжественно соединились со своими деревьями.

— Это оркестр величественной стихии Арашамф, — сказал Варфуша. — Духи этой стихии, как ты, наверное, поняла, опекают следующий этаж леса — деревья, а также их обитателей: птиц, белок и других зверюшек, живущих в этих высотных жилищах. Они заботятся о благополучии лесных великанов, объединяют лес в единый оркестр. Умиротворенность и покой, которые испытывает здесь человек, навевают эти незримые для простого глаза музыканты. Но есть и другие леса, где бывает порой неуютно и страшновато, в этом также повинны твои новые знакомые, которые имеют в себе определенный заряд демонизма. Особенно он ощущается ночью. Кстати, к созданию неповторимой лесной гаммы ощущений причастны многие духи, в том числе и маленькие трудяги, с которыми мы познакомились раньше. А сейчас ты увидишь луговых духов.

Друзья вышли из-под сени деревьев и оказались на краю большого вытянутого луга, разделяющего лес на два крыла. Трава была еще невысока, луговые цветы — в основном одуванчики — виднелись пока отдельными венчиками и веяли свежестью и ожиданием грядущего изобилия.

— Сейчас, — сказал Варфуша, — не лучшее время для знакомства, луговые духи еще не вступили в полную силу, вот в июле — знаешь, что здесь будет твориться! Самая страда у них начинается в пору массового цветения и сбора нектара. Но и сегодня они достойны нашего вни-

мания. Сейчас ты увидишь духов Фальторы и Вайиты, причем духи Вайиты не имеют постоянной связи с полями и лугами – они управляют лесными ветрами над равнинами и холмами, но присутствуют здесь постоянно. Если ты прислушаешься к себе, то почувствуешь присущее им веянье радости, ласки и невинной шалости. А теперь смотри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.